

М. Булеков

Л. Дудин

Т. Деглина

Я. Дробина

А. Жданов

М. Золотова

М. Кабанова

А. Калинин

З. Корниенко

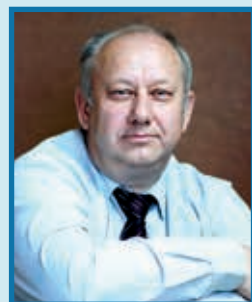
Г. Крестьянова

О. Новикова

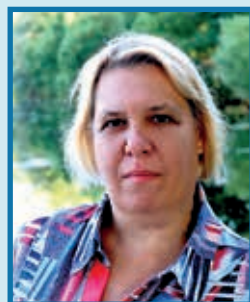
А. Лысенков

В. Лысенков

Ю. Мусатова

Г. Глебова

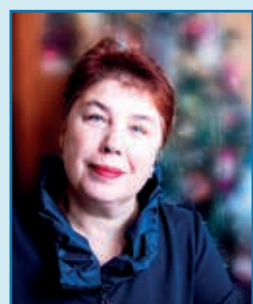
Е. Слободянюк

Г. Голова

С. Прохорова

Г. Самусенко

А. Скабёлкин

Л. Чебышева

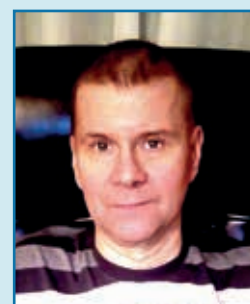
З. Понасенкова

Т. Шимарёва

М. Якубовская

В. Язев

Белоберёзовый Мир

*Литературно-художественный альманах
ЛИТО «Вертикаль» г. Белоозёрский
городского округа Воскресенск
Московской области*

Белоберёзовый Мир

ПОЭЗИЯ, ПРОЗА

«Серебро слов»
Коломна
2020

Составитель: Ю. В. Мусатова

Белоберёзовый мир. Литературно-художественный альманах. Коломна: Серебро Слов, 2020. – с.176

Творчество поэтов и прозаиков членов ЛИТО «Вертикаль» города Белоозёрский давно известно за пределами поселения. Их произведения публикуются в самых престижных местных, областных, столичных, российских и зарубежных изданиях.

Безусловно, каждый автор пишет для того, чтобы кто-то прочитал его творения и, оценив их на свой слух, цвет и запах, мог, хотя бы на малое время, пребывать вместе с автором в состоянии светлой мистерии.

Надо полагать, что это вполне может случиться, ибо, идя вслед творцам, читатель увидит много хороших творческих открытий, которые подтверждают библейскую аксиому о «неисповедимости путей Господних».

В альманахе много слов сказано о Вере, Любви, Чести, Совести и других православных ценностях. Читая строки книги, радуется ещё и то, что вспоминаются слова великого поэта: «здесь русский дух, здесь Русью пахнет».

ISBN

© «Серебро Слов»

© Слободянюк А.Д., фото обложки, титул

© ЛИТО «Вертикаль»

«Зачем мы здесь и что хотим понять?»

Сборник стихов и прозы, созданный Белоозёрским ЛИТО «Вертикаль» и представленный читателю, можно трактовать по-разному. Но в любом случае он является продолжением первого издания, хотя несколько и отличается от него и формой, и содержанием, а также наличием имён авторов, вошедших, буквально «на днях», в мир литературы. В то же время можно отметить, что это всё-таки новое явление, ибо здесь присутствуют фактически самые титулованные поэты и прозаики Воскресенского района.

Инициатива создания сборника исходила снизу, непосредственно от самих членов ЛИТО, потому активность авторов превзошла все ожидания. Своё творчество представили Михаил Булеков, Галина Глебова, Леонид Дудин, Яна Дробина, Андрей Жданов, Марина Кабанова, Зоя Корниенко, Галина Крестьянова, Юлия Мусатова, Зинаида Понасенкова, Светлана Прохорова, Татьяна Шимарёва, Владимир Язев.

На просьбу составителей поучаствовать в настоящем сборнике откликнулись писатели из ЛИТО «Радуга» им.И.И.Лажечникова, члены Союза писателей России Галина Голова, Татьяна Деглина, Марина Золотова, Александр Калинин, Виктор Лысенков, Андрей Лысенков, Ольга Новикова, Галина Самусенко, Людмила Чебышева, Марина Якубовская.

Все они прислали мастерски сделанные работы. И конечно, невозможно было бы представить издание без ушедших так рано талантливых литераторов белоозёрской земли Елены Слободянюк и Александра Скабёлкина.

Поскольку презентуется первое творческое издание воссозданного ЛИТО под новым названием «Вертикаль», то необходимо всё-таки оглянуться хотя бы на несколько лет назад.

Безусловно, пишущий народ есть почти в каждом населённом пункте России. Вот хороших поэтов и прозаиков мало, а замечательных - почти нет. И редкий случай, когда они вдруг где-то появляются. Не говорим уже о талантливых: не дозовёшься, не до-

кричишься. А когда проводишь анализ явлению, то оказывается, что происходит становление личностей совсем не «вдруг» и не случайно, но только в организованном общении незаурядных дарований друг с другом и наличием среди них способных лидеров.

25 ноября 2005 года по инициативе Андрея Александровича Жданова была создана масштабная организация Белоозёрский творческий союз. Руководил союзом Л.А.Дудин. Под его редакцией был выпущен первый сборник «Белоберёзовый мир» (без номера). Выход его полностью финансировал Игорь Александрович Дудин - истинный патриот города Белоозёрский (однофамилец Леонида Дудина).

После этих счастливых событий литературной секцией стала руководить талантливый поэт Марина Кабанова. Но что-то пошло не так, не сложилось что-то, и по субъективным причинам занятия литераторов, покрутясь вхолостую, вскоре сошли на нет.

Было принято решение переформатировать организацию. Воссоздаётся Белоозёрское литературное объединение «Вертикаль». Руководителем его избирается выпускница МГУ им. М.В.Ломоносова (филологический факультет), член союза журналистов России Юлия Владимировна Мусатова. Прекрасный организатор, знаток истории литературы и глубоко любящий свою профессию человек. Она и сумела объединить перспективных литераторов городского округа. В газете «Округа» появилась страница «Белоозёрская лира», где регулярно стали публиковаться произведения членов ЛИТО. Наладились ежемесячные встречи поэтов и прозаиков, а также их публичные выступления.

В помощь Юлиа Мусатова пригласила писателей Леонида Дудина и Андрея Жданова. В правление вошли замечательные поэты Галина Глебова, Зоя Корниенко, Зинаида Понасенкова.

Вот такой именитый состав и принял решение о выпуске в свет своего первого альманаха. И чтоб не потерять связь поколений, решено присвоить ему номер 2.

Выпуская альманах «Белоберёзовый мир», литераторы «Вертикали» реально создают благоприятную творческую среду и условия для всестороннего развития культурной жизни на территории

поселения, профессионального роста и реализации творческой активности членов ЛИТО.

А Юлиа Мусатова, руководитель «Вертикали», по-своему, таким вот образом определила принципы состоявшейся организации.

*Мы выбираем путь по вертикали –
Там нет страховки и гарантий нет,
Что обойдут нас стороной печали,
И всюду будет тёплый ждать привет.*

Но нет,

*Движение к истокам мирозданья,
К попыткам осознанья бытия,
Изменит наши помыслы и знания,
Где правит бал местоименье «Я».*

*Укажет, где искать пути-дороги
К пречистой чаше, сохранившей Свет,
И наши лица окропит и ноги,
На вечные вопросы даст ответ.*

*На вечные, сакральные вопросы –
Зачем мы здесь и что хотим понять?
Любить – казалось бы, так просто...
Любить весь мир – и радостно обнять.*

Нельзя не согласиться с Юлией Мусатовой, стихотворение которой, возможно, станет отрадой и маяком каждого участника альманаха, потому что это, как видится, совсем неплохие цели и задачи.

*Заместитель председателя Московской областной организации
Союза писателей России Сергей Антипов*

Михаил БУЛЕКОВ

Булеков Михаил Юрьевич родился и вырос в городе Воскресенске. Окончил среднюю школу № 4. По профессии юрист, увлекается историей России, изучает историю родного края. В газете «Воскресенск литературный» прошло несколько подборок его стихов, которые сразу обратили на себя внимание читателей своей чистотой русского слова, образностью и классическим построением произведений.

ний.

Михаил Булеков принимал участие в поэтических сборниках «Бессмертная обитель», «Благословенные слова». Его рост как доброго стихотворца довольно успешен. Лауреат конкурса имени Елены Слободянюк (г. Белоозёрский), конкурса «Звёздное перо» (г. Кашира).

Член Воскресенского литературного объединения «Радуга» им. И.И. Лажечникова и ЛИТО «Вертикаль» города Белоозёрский.

Пойду куда-нибудь, пойду	Ты напиши о том в письме,
Спою куплеты смиренным птицам,	В Карелии ли, Колыме ли,
Тебя одну с собой возьму,	Чтоб не скучали обо мне
Моя родная мастерица.	Те, что зимою надоели.

Я знаю, милая, пройдет
Февраль тропой неторопливой,
И Древо Жизни прорастёт,
Согретое рукой счастливой.

ЛЕСНОЕ ОЗЕРО

От великой радости
Да большой беды
Удалюсь я к зарослям
У лесной воды.

И опять молчанием
Буду оглушён,
Да людскими взорами
Не обворожён.

И уверюсь снова я
В том, что смерти нет,
За стеной сосновою,
Где простыл твой след.

До седого острова
Как рукой подать.
(В детстве – ох, не просто нам
Было там нырять).

Поселковой улицы
Еле виден свет.
Где-то квохчут курицы,
Пролетел мопед...

Что в воде причудится
Ночью при луне?
Может, что-то сбудется
В мире и во мне...

ВЕСНА В ВОСКРЕСЕНСКЕ

За пригорком, догорая,
Солнце замедляет бег,
У крылечка, за сараем,
Прошлогодний тает снег.

Полюбуюсь на распутье:
Воробьи в сухой траве.
Уронили вишни прутья,
Низко кланяясь земле.

По коломенскому тракту
Люди едут, торопясь,
Вербы вторят ветра такту,
Расплетя седую вязь.

В добрый путь! Тропинкой талой
Поспешу за солнцем вслед...
Птах чирикнул запоздалый,
Улыбается сосед...

ВЕЧНОЙ ВЕСНЕ

Приди скорей, смири мои морозы,
Капелью звонкой душу отогрей,
И подари мне свежий запах розы -
Не вечно холодам стучаться в дверь!

Лишь рядом Ты – я чувствую дыханье
Речных разливов, запах тополей;
Рождается в душе переживание,
Как в раннем мае слышен соловей.

И падают стремительные точки
Дождя весеннего, как пух, они легки,
И лес умыт, чуть зеленью подстрочен,
И не нужны ни письма, ни стихи.

И думается мне: я оказался
Опять влюблён, как бы весною той...
И хочется, как Фаусту, признаться:
«Остановись мгновение, я твой!»

* * *

Там, где Отра-река уходит влево,
Нет суеты, и времени там нет.
Родной земли там слышатся напевы.
Жаль, для любви не так уж много лет.

Успеешь ли найти ты оправданье?
...А воздух чист над тёмною золой,
И горько сердцу это пониманье,
Что был землёй и станешь ты землёй...

Там, где Отра в Москву-реку впадает,
Я начал жизнь у многих на виду...
Планета круг устало завершает,
Я тоже с ней - я к светлomu иду...

СКАЗАНИЕ

Обложило небо тучами,
Из окна не видно света.
Но я верю в долю лучшую,
В час, когда пробьёт победа.

Скачет конь по полю зрелому,
На ходу срываю стебли.
На твою на скатерть белую
Ляжет свежий запах хлеба.

Знать, не долго жить осталось мне:
Чёрный ворон стаю кличет;
За горой полки поганые
Встали, русской крови ищут.

Но сегодня, время, - волен я! -
Разгоню примет ненастье
И над светлыми просторами
Навсегда останусь властен!

Только выйдешь за околицу -
Рожь, да степь, да путь далёкий.
Грудь теснит от нашей вольницы,
День стоит в зените, звонкий.

Ангел накрывает ласково
Рожь, да малую травинку...
Китеж-град сокрылся наскоро,
Заросла к нему тропинка.

УЧИТЕЛЮ ЛИТЕРАТУРЫ

Осенний листопад волнует в непогоду,
Стесняет думы пёстрый хоровод.
Ведёт упорно к финишу природа,
Прощанье неизбежно настанёт.

Учитель! Вам я шлю стихотворенье,
В котором боль свою отобразил.
И кажется, на малое мгновенье
Себя на Ваше место водрузил.

И светлый мир печатного наследства
Мне стал доступен. Вижу, как сейчас:
С Гайдаром вместе мы встречаем детство,
С Есениным – зарю в рассветный час.

Мои друзья... Вот и сейчас на полке
Красив их ряд атласных корешков.
Жуковский, Пушкин, Достоевский, Горький,
Старик Шедрин – отменный остролов.

Здесь Лев Толстой учил меня смирению,
Мечтать и мыслить – Александр Блок.
И Маяковским бредил с восхищением,
Жаль, Герцена освоить я не мог.

И ничего, и ничего на свете
Не жаль мне так, как школьные года.
Я обещаю Вам, что книги эти
Останутся со мною навсегда.

Леонид ДУДИН

Дудин Леонид Анфиногенович живёт в городе Белоозёрский Воскресенского района.

Образование высшее: Военная инженерная академия им. Петра Великого.

Заслуженный испытатель космической техники. Ветеран Воздушно-космических сил.

Пишет стихи и прозу. Почётный председатель ЛИТО «Радуга» им. И.И.Лажечникова.

Член Союза писателей России. Автор книг: «На вершине пирамиды», «Испытатели», «Поехали!..», «Главный конструктор», «Сын земли русской», «Белоозёрский. Очерки истории», «Гвардии генерал Соколов», «Почитай, Серафима, стихи», «Василий Серогодский...».

Обладатель многих государственных и общественных наград, в том числе медалей Э.К. Циолковского, Ю.А. Гагарина, А.М.Исаева.

Лауреат Всероссийских литературных премий им. М.Ю.Лермонтова, И.Д.Сытина. Лауреат Всероссийской музыкальной премии им. Андрея Петрова.

Член Президиума Академии российской словесности, член правления Московской областной организации Союза писателей РФ, редактор газеты «Воскресенск литературный».

Первый Почётный гражданин городского поселения Белоозёрский.

Почётный гражданин Воскресенского района Московской области.

Лауреат Губернаторской литературной премии им. Роберта Рождественского. Лауреат Губернаторской премии «Наше Подмосковье» - газета «Воскресенск литературный».

БЕЛООЗЁРСКИЙ

*По случаю присвоения статуса
города посёлку Белоозёрский, 05.04.2019*

Хожу по округе, себя вспоминая,
Когда был на взлёт нетяжёл...
И снова из дальнего самого края
На берег желанный пришёл.

На озере гладь. Осознание природы...
Но чайки, как символ любви,
Беспечно тревожат зеркальные воды
И душу, и думы мои.

За рощей берёзовой – Белоозёрский,
Отечество нам и оплот.
Живёт по-простому, легко и неброско -
По-своему город живёт.

Не верится даже, что мы горожане,
Что мы на другом рубеже,
Что мы, созидая, высокого ждали,
И это свершилось уже.

Наш город - ровесник космической эры,
И, как на Руси, в старину,
Мы дали, святому и светлому веря,
Хорошее имя ему.

Возможно, кому-то в далёких широтах
Есть край также дорог и мил,
Но здесь у меня и любовь, и работа,
И белоберёзовый мир.

МОНОЛОГ НА РОДИНЕ ЕСЕНИНА

*«... А сам ушёл, как под грозой,
Оставшись на лице России
Невысыхающей слезой»*

Владимир Фирсов

Вот и опять
Я в селе Константиново.
Полдень над поймой Оки.
Спряталось облачко,
Вспыхнув малиново,
За переливы реки.

Вслух говорить
О заветном не хочется —
Слишком печаль велика.
Слишком огромна
В своём одиночестве
По откровенью тоска.

Где-то в безбожье
Верёвки свиваются,
Кто-то, неся табурет,
В ангела красится,
Но забывается...
И беззащитен поэт.

Может, и правда,
Мы все суеверные?
Но у рязанских высот
Кто растрясёт, -
Разом! - души фанерные,
А болевые спасёт?

Может, возьмётесь,
Сергей Александрович?
Я не найду мастеров.
Вы — как поэт
Из обрядовых Радуниц,
Неопалимых миров.

В дом ваш принёс
Не венок кипарисовый,
А незабудки принёс,
Да от поклонов
Владимира Фирсова
Чистую исповедь слёз.

Вслух говорить
О заветном не хочется —
Слишком печаль велика.
Слишком огромна
В своём одиночестве
По откровенью тоска.

МНЕ ПЕСНЮ СПОЙ

Ю.М.

Ты когда возвратишься с Дона
В подмосковный посёлок свой, -
Расскажи, как живут там, дома,
И казачью мне песню спой.

Спой ты мне о степи весенней,
Где от истинной доброты
Расцветают цветы – спасенье -
Нескончаемой красоты.

Я и в радости, и в печали
Отнесу твой напев в леса,
На места, где берёт начало
В небо взлётная полоса.

Где в недавнее воскресенье,
Незамеченные почти,
Улетели на юг осенний
Оперившиеся грачи.

Но всё также немногословно
Катит воды Москва-река,
Крутолобые над Михалёвом
Думы думают облака...

Приезжай поскорее с Дона
Со своей красотой степной
Рассказать, как живут там, дома,
И казачью мне песню спой.

Задумчивую и простую,
Боль способную врачевать,
Что тебе, по отцу тоскуя,
Напевала когда-то мать.

АЭРОПОРТ

Не знаю, кто не без волнения
В преддверье нового войдёт...
Наверно, с тем же настроением
Я захожу в аэропорт.

Возле конструкции ажурной,
Сплошь из дюраля и стекла,
Гляжу, приветствуя дежурных,
На голубые вымпела.

Спешу смотреть на МиГи, Илы,
На силу взлётной полосы,
На горизонт неторопливый
Без ожидания грозы.

И – весь в предчувствии полёта,
Весь в ожидании высоты
И той ещё не взятой ноты
У закрытической черты.

* * *

Когда не стало матери моей,
Я пребывал в майорском чине,
Был нестигаемым мужчиной
Среди любви, разлук, смертей.

Когда не стало матери моей,
Леса вдруг сделались немыми,
Истоки рек совсем иными,-
Иною тайнопись полей.

Мне негде было голову приткнуть,
Бойцу удачи из Рязани,
И мать, как жизнь, обжечь слезами,
Её спасительную грудь.

Когда не стало матери моей -
Всё светлое испепелилось...
Но не иссякла Божья милость
Найти любовь среди людей.

* * *

Белоозёрская земля,
В снега укуталась равнина.
Зима все стёжки замела,
К тебе – и ту не сохранила.

Как Север – тишина окрест...
Неужто есть края иные,
Чтоб так сияли глубь небес,
Деревья и дома родные?

* * *

Восходили громадой леса
Над каньоном по имени Кайлька...
Мне впервые себя стало жалко,
Что живут без меня чудеса.

Еле тлеет белёсым огнём
Среди елей за озером будка,
Рядом крикнула дикая утка,
Сожалея о чём-то своём.

Перед домом стою. Вдалеке
Облака над Гривицким редутом.
Ну, а здесь лучезарное утро.
Белый дом. Словно дом в молоке.

Двери, окна, терраса, цветы -
И в объятья бегущая ты.

* * *

Тебе

Нет, это не «Письмо к Татьяне...»
Но всё равно, прими тепло,
Что никогда не перестанет
Идти от сердца моего.

Таким я поспешил родиться,
Не зная, что наступит срок,
Когда мне выпадет влюбиться, -
Чтоб разлюбить уже не смог.

Галина ГОЛОВА

Голова Галина Михайловна родилась в Москве. Окончила МГОПУ им. Шолохова. Работает учителем, имеет звание «Отличник народного образования».

Член Союза писателей России. Автор поэтического сборника «Люби меня такой...», романа «Зыбь». Активный участник ЛИТО «Радуга» им. И.И.Лажечникова.

Галина Голова публиковалась в антологии писателей Болгарии и России «Созвучие», «Созвучие-2», международном литературно-художественном альманахе «Серебряный дождь», литературном альманахе «Воскресенск — моя родина светлая», сборниках рассказов «Серебряный родник -2», «Серебряный родник-3», в периодических изданиях Подмосковья.

Пишет музыку на собственные стихи. В качестве автора-исполнителя выступала в телевизионной программе «В нашу гавань заходили корабли».

В её доме, деревня Цибино, подписан договор с болгарскими писателями о творческом сотрудничестве, о чём говорит памятная доска.

Голова Галина Михайловна — лауреат поэтического конкурса «Живёт поэзия во мне», приуроченного к 210-летию А.С.Пушкина».

За личный вклад в развитие российской словесности награждена Благодарственным письмом главы Воскресенского муниципального района, медалями им. Елены Слободянюк, «Ивана Бунина», а также многими другими знаками отличия.

* * *

*Светлой памяти
деда моего*

За топким перелеском,
У клюквенной межи,
В сыром лесу смоленском
Мой дед-солдат лежит.

Лишь можно догадаться
О том, как шёл он в бой,
И как жестоко дрался,
И прикрывал собой

Наш дом, соломой крытый,
И двор, и палисад...
Он дрался за убитых
И за живых солдат,

За дочек, за сынишку
И за жену свою,
За друга детства Гришку,
Он тоже пал в бою.

За Родину бесстрашно
Он жизнь свою отдал,
Был без вести пропавшим,
А где — никто не знал.

Но отыскиали дети
Прах деда моего —
На сером постаменте
Фамилия его...

Красивыми словами
Мне сердце не унять,
И горькими слезами
Мне деда не поднять.

Над ним как честь и слава
Смоленский лес стоит.
Тумана тонкий саван
Его покой хранит.

ЛЮБИ МЕНЯ ТАКОЙ

Восторженный покой
 Души чуть обожжённой...
 Люби меня такой,
 Мечтой заворожённой.

Люби в тревожных снах
Такой, как нынче встретил,
И помни — я одна
Такая есть на свете.

Задумчивой волной
Поёт река чуть слышно.
Люби меня такой,
Какой создал Всевышний.

Идя моей тропой,
Другую не заметишь,
Люби меня такой,
Какой нигде не встретишь!

PACCBET

За уснувшим над полем туманом
Просыпалась румяная зорька.
В расписном сарафане багряном
Пробиралась по облачной горке.

А туман-то седой бороδοю
Закрывал её алые щёчки,
Не желая расстаться с землёю,
Он цеплялся за влажные кочки.

Но заря веселилась на травах,
Бередила притихшие дали
И будила полянки, дубравы,
Чтоб за сизым покровом не спали.

Раскрывались ладошки соцветий,
Ликовало душистое лето
От звенящих вокруг междометий
И сверкающих красок рассвета!

ТИХОЕ СЧАСТЬЕ

В мерном течении жизни
Прелести скрыты великие
Нет никакой укоризны,
Что мир пребывает в религии.

Мысли покоем наполнены,
Плавню текуч и размеренно,
Нет ни жары в них, ни холода,
Тихое счастье у берега.

ТИШИНА

Меж закатом и рассветом
Миром правит тишина.
Разновидностью сюжетов
Забавляется она.

Вяло бродит, как слепая,
По обочинам дорог,
Пледом ночи укрывая
Каждый кустик и цветок.

Дремотою спеленован,
Ветер до поры молчит.
Звёздной дымкой разрисован,
Лес задумчивый стоит.

Не развится лист осинки,
И тому всему виной –
Проиграл он в поединке
С непробудной тишиной.

Ни трава не шелохнётся,
Ни кусты, ни лопухи...
Но уже крадётся солнце,
Копошатся петухи.

* * *

Встретились два сердца одиноких,
Позади нелёгкий пройден путь.
Души их близки и так далёки,
Что нельзя любви уже вернуть.

Годы пролетели цветом вишни,
Торопливой юности вокзал,
Оттого меж ними третий лишний –
Бог одной тропы не указал.

Не привёл их к алтарю под сводом
Золотых небесных куполов,
Не согрел под чистым небосводом,
Не шепнул своих заветных слов.

Маются два сердца одиноких
Средь потухших очагов в домах,
Помоги им, Боже светлоокий,
Чтобы жили души не впотьмах.

* * *

За далью – даль, за небом – тишина,
Ни света, ни любви, ни откровенья,
В космическом безветрии душа
Не ведает земного притяженья.

Ей не дано простора на земле,
Она несётся и, пронзив пространство,
Испытывает счастье в тишине
Безмолвного благого постоянства.

Один вираж по Млечному Пути!
Коснётся звёзд и, руки обжигая,
Творцом ведомая, назад летит,
Неведомые тайны открывая.

Татьяна ДЕГЛИНА

Деглина Татьяна Евгеньевна родилась в г. Фрунзе Киргизской ССР. С отличием окончив химический факультет Киргизского государственного университета, с 1994 года вместе с семьей проживает в г. Воскресенске. Работает учителем химии. Окончила аспирантуру, победитель регионального конкурса - «Лучшие учителя России» 2007 года. Активно занимается литературным творчеством. И уже в 2010 году состоялась её первая публикация стихотворений в газете «Воскресенск Литературный».

В настоящее время произведения Татьяны Деглиной и переводы с болгарского вошли в международные поэтические сборники «artelen», «arteleshka», «Созвучие» и «Созвучие-2».

В 2011 году Татьяна Евгеньевна стала призёром регионального конкурса, посвященного 70-летию победы под Москвой.

В конце 2013 года был завершён проект «Дозвилья» выпуском в свет изданной впервые в 1899 году в Днепропетровске книги стихов Николая Кузьменко - прапрапрадеда Татьяны Деглиной.

В начале 2014 года вышел в свет первый поэтический сборник «Сезон demi». А летом 2014 года – книжка-раскраска для детей «Любимые игрушки», которая пользуется популярностью у юных читателей города Воскресенска.

Татьяна Деглина - член Союза писателей России.

Дипломант Губернаторской литературной премии им. Роберта Рождественского (книга «Сезон demi»).

СНЕГ ПАХНЕТ

Снег пахнет... Чувствуешь? Сиренью...
Смеёшься? Ты закрой глаза,
И промелькнёт распутиц время,
А годы - полетят назад...

Вдохни... Прозрачность талой строчки
Отменит боль февральских бед,
И зазвенит в разломах ночи
Капель, дарующая свет...

Ворвётся клич стихотворений
С попутным ветром – ярк, свеж...
Снег пахнет... Чувствуешь? Сиренью...
И дарит лепестки надежд...

АПРЕЛЬСКОЕ ПЛАВАНИЕ

Тёплые шаги на подоконнике,
В каждом – расплескавшееся солнце...
Дождь апрельский голосочком тоненьким
Приглашает в перекрестья лоций.

Доверяю... Отправляюсь в плаванье
По ручьям бурливым и капризным.
Не богатства ради, не за славою,
Краски жизни – станут главным призом.

Разольются ветрами и волнами,
Растворятся светом в добрых лицах...
Загадаю только: Раз! – Исполнено!
Замечтаю только – и свершится!..

СЛЕПЛЕНО ЛЕТО

Слеплено лето
Из лепета листьев,
Лёгкого ветра
И смелого бриза,
Сине-зелёного
Яркого цвета,
Моря солёного,
Свежих букетов,
Радости, песни,
Беспечного смеха,
Щедрого леса
И горного эха.
Встреч
Долгожданных,
Надежд
Совершённых,
Сказочной тайны
Вечернего звона...
Из вдохновенно
Разлитого счастья,
В день удивлённый
Кричащего: «Здравствуй!»
Лепету листьев,
И, в искорках света,
Чувствам и мыслям,
Отпущенным в лето.

ПОМОЛЧИМ О ЛЕТЕ

Солнце в треуголке облаков,
У заката перья горячи...
Август отстоял и был таков...
Помолчим о лете, помолчим...

До краев исполненный бокал
Допивай... Хмель выветрился весь...
Набродилась в странствиях строка,
Впечатлений оседает взвесь...

Поутру звенящи и легки,
Остывают летние слова...
Пахнут мятным яблоком стихи
И примята на душе трава...

Я ТЕБЯ НЕ ЧУВСТВУЮ, СЕНТЯБРЬ...

Я тебя не чувствую, сентябрь...
Говорят, что дни короче стали,
Ночи холоднее, и летят
К южным берегам родные стаи,
Охрой горькой полнятся леса,
Затишают света междометья,
Всё влажнее у небес глаза,
Тротуары в золоте отметин...
Что капризный солнца луч ослаб -
Забывает прогревать рассветы...

Я тебя не чувствую, сентябрь!
Загостились я в объятьях лета...

Яна ДРОБИНА

Дробина Яна Валентиновна родилась в 1958 году на острове Сахалин (г. Долинск). В школу пошла у бабушки, в деревне Старое Воскресенского района. Первая учительница – Грудкина Наталья Ивановна – привила любовь к чтению и открыла красоту стихов.

Яна Дробина окончила школу в Раменском. Поступила в кулинарный техникум (Москва). По распределению семь лет работала в Сокольническом тресте столовых. В 1980 году была направлена на обеспечение питанием спортсменов Всемирной летней Олимпиады (Москва). После этого поступила на службу в госсектор. В связи со сложным режимом работы на закрытых профилях госслужбы не имела возможности публиковаться.

Несмотря на сравнительно небольшой опыт стихосложения, автор сборника предлагает читателю вполне зрелые работы, наполненные высокими чувствами искренности, любви к человеку, к природе и ко всему святому, что дано нам Всевышним.

В 2015 году вернулась к матери в деревню Старое, где сейчас и проживает.

Дебютировала на конкурсе «И просыпается поэзия во мне» 2019 года (III место). Прошли первые публикации на литературной странице Белоозёрская Лира» газеты «Округа». И вот сборник – «Белоберёзовый мир». Это уже заявка на поэтическую зрелость. Теперь может делиться своим творчеством с более широкой аудиторией.

Член ЛИТО «Вертикаль» города Белоозёрский.

БАБОЧКА

Прилетела бабочка, села на плечо.
Стало очень радостно, очень горячо.
Бархатными крыльями лишь взмахнула вновь –
Шёлковым касанием опахнула бровь.

Посидела толику и умчалась – ввысь!
Мысли, как пришпорены, разом понеслись:
Кто же эта бабочка? Почему ко мне?
...Приходила мамочка во вчерашнем сне.

Тихо улыбнулась мне, чуть приобняла,
Слёзы мои горькие потихоньку вытерла.
Невесомым пёрышком улетела вдаль,
Ласково, как солнышко, забрала печаль,

И шепнула тихо мне: «Будет, не журишь.
Будет, моя девонька,
и без мамы жизнь...»

* * *

И тридцать лет,
и шестьдесят пройдёт,
А мне – от той зимы
не отогреться.
Нас от неё ничто не оторвёт.
Я с ней всегда и памятью,
и сердцем.
Одна судьба у наших двух сердец:
Замрёт твоё –
и моему конец!

ОТЧИЙ ДОМ

Ты часто мне снишься, мой Отчий дом,
Золотой мой недолгий век.
Но всё, что случится со мной потом –
Всё отсюда берёт разбег.

Здесь однажды очнулась я, дочь Земли,
И в глазах моих свет возник.
Здесь мой первый гром говорил со мной...
Я познала его язык.

Как же странно мне было, мой Отчий дом,
Когда некто с пустым лицом
Произнёс, усмехнувшись: «А в доме сём
Ты не дочкой живёшь — жильцом».

Угловым жильцом, что копит деньги –
Расплатиться за хлеб и кров.
...Всё коплю деньги, но всегда – в долгу,
И не вырваться из оков.

Впрочем – может, sluкавить или солгать?
 Может, вымолю тишь да гладь?
 Почему должна я за кров платить,
 Если рядом – родная мать?..

Но пускай, гроши наскребу с трудом,
И пускай, велика цена –
Кредитор мой суровый, мой Отчий дом,
Я с тобой расплачусь сполна.

Не зови вызволять тебя из огня,
Не зови разделить беду.
Не зови меня! Не зови меня!
Не зови – я сама приду!..

ИДУ Я В ХРАМ

Иду я в храм. Заря светлеет,
И солнца кромка пламенеет,

И светит ярко, горячо,
Заглядывая за плечо.

Вошла. Иконы. Свечи. Ладан.
На сердце стало так легко,
Как будто Высший Разум рядом.

Слежу за Ним тревожным взглядом
И поднимаюсь высоко...

Туда, где купол – выше, выше,
И вот Псалом четвёртый слышу.
И мне становится тепло

Душа внимает, сердце радо,
Молитва рвётся: «Мой Господь!
Спасибо за Твою награду!»

Андрей ЖДАНОВ

Жданов Андрей Александрович родился в 1953 году в семье школьного учителя с. Виноградово Воскресенского района. Проживает в городе Белоозёрский.

Член Союза писателей России. Руководитель Белоозёрского творческого союза.

Окончил МГУ по специальности геолог-геофизик, после чего 15 лет проработал в геологии: начальником геофизической партии, заведующим научной

лаборатории ВНИИЯГГ (г. Раменское). Трудился на Охотском море, Колыме, Таймыре, Байкале, в Саянах, Эвенкии, Западной Сибири, на Мангышлаке. Работал помощником настоятеля строящегося храма в Белоозёрском.

Избирался председателем Совета депутатов, а затем главой администрации пос. Белоозёрский. Проработал в этой должности до 2009 года, после чего подвергся уголовному преследованию и (не признав своей вины) был осужден к 6 годам лишения свободы. В настоящее время работает в БМБУ «ДК Гармония» - ведущим методистом.

Печатается в международных, всероссийских, областных изданиях и местных СМИ. Автор ряда научно-популярных работ о русском языке, о Пушкине, о русской философии.

Издал книгу стихов и рассказов «Белый стих». Лауреат литературного конкурса им. Елены Слободянюк. Награждён медалью лауреата Нобелевской премии И.А. Бунина.

Удостоен знака «За заслуги перед городским поселением Белоозёрский» и звания «Почётный гражданин городского поселения Белоозёрский».

Из цикла «Тюрьма-старушка»

ПЕСНЯ ОСЕНИ

Зарделась «Песня Осени».
В листве златые проседи,
И паутинки носятся,
Грачи про юг кричат.
Давно пора отчаливать,
Да не спешат начальники
Мне вольную с печатями
Казёнными вручать.

В разгаре «Песня Осени».
Листва в ладони просится,
Сквозь кроны видны просини
Да белы облака.
Очей очарование,
А для души задание,
Чтобы с красой прощальнойю
Не затекла тоска.

Испета «Песня Осени».
Берёзы ситцы сбросили,
Стоят осинки босые,
За далью видно даль.
Грачи на юг умчались,
А я на шконке чалюся,
И вовсе не печалюся,
А на хрен мне печаль!

ПРОГУЛКА

Зачернели во дворе
Курточки на вате,
На прогулку очередь
Сто девятой хате.
Эх, погодка хороша!
Дворик шесть на десять,
Полетела бы душа
За стальные сети.

Здравствуй, красно-солнышко!
Здравствуй небо синее!
Ты и за решёткою
Мне всего красивее.
Каждой клеткой чувствую
Сладкую истоминку -
Так коктейли чудные
Пьют через соломинку.

Пацаны бывалые
Курят, ржут, беседуют,
Трут проблемы малые,
На судьбу не сетуют.
Вон футбол устроили:
Мяч из тряпок крученный,
Технику освоили –
И не надо лучшего.

У меня пониже класс –
Новичок, в натуре.
Не набит пока что глаз
В этой физкультуре.
Дверь засовом лязгнула,
В петлях заворочалась.
С вами поболтал бы я,
Да прогулка кончилась.

ВСЁ РАВНО ВСЕГДА НАСТУПИТ

Всё равно весна наступит,
Хлынет вешняя вода.
Всё равно Господь нас любит,
А чего ж робеть тогда!

Станем прямо, глянем браво,
Шире плечи, грудь вперёд.
Коли дело наше право,
Нас ничто не перетрёт.

Будем же просты как дети
И мудры как старики.
Много дел у нас на свете,
И дороги далеки...

ВШИВАЯ ФИЛОСОФИЯ

(рассказ)

Дело было в «Матросской Тишине» – московском СИЗО-1, где я проходил тогда свои очередные «университеты». Так что у читателей с ранимым слухом сразу прошу извинения за неизбежную «фактуру».

Тогда на «Матросске» сортировки арестантов по «боевым заслугам» ещё не было (всех ссыпали в одну кучу), но в нашей 109-й «хате» народ всё же подобрался вполне приличный – без отморожков и беспредельщиков. В основном, конкретные пацаны с понятием. И вот, как-то закинули к нам парнишку, совсем уж какого-то бесхозного.

Щупленький, маленький. Читать-писать не умеет. В школу, говорит, не ходил. В их деревне её не было, а дальше той деревни его родители-алкоголики своего пьяного ума не простирали. Рос, как трава во дворе. Ну и вырос: недокормленный, недоразвитый, недолащенный. Но как-то всё ж научился цепляться за жизнь.

Вёл он себя как осторожный, проученный недобрыми людьми, зверёк. На имя своё - Ванёк – откликался не сразу, а лишь предварительно прозиркав глазами обстановку.

В наше СИЗО Ванёк угодил за краденый мопед, который он, по его словам, взял покататься. И врал, конечно. Потому что с этим мопедом он поехал на электричке в Москву, в явной надежде толкнуть его там по дешёвке, но уже на вокзале не понравился милиционерам и был задержан для выяснения его и мопедовой личности. Ну, а дальше понятно.

Очень повезло ему, что буквально за дни до этой экскурсии в Столицу он успел достичь совершеннолетия, а то угодил бы в колонию для «малолеток», и там судьба его была бы очень скорбной. На взрослой зоне с его данными тоже жить «стрёмно», но тут, всё же, как попадёшь.

У меня аж нутро щемило смотреть на него такого, почти об-

речённого. Вот уж точно, – как бы это помягче, – «волки» позорные! Никто-то от самого рождения не дал ему ничего хорошего, а теперь вот спохватились и бросили на эксПРЕССвоспитание – в тюрюгу.

Ну, думаю, ладно. Пока есть время, и в самом деле поучу его чему-нибудь путному. И начались у нас уроки: чтение, правописание, арифметика, история и даже шахматы. Ванёк на эту затею охотно повёлся, а на уроки истории и остальная камерная молодежь начала подтягиваться.

Авторитеты наши сначала надо мной предостерегающе посмеивались. Дескать, чего это ты, Саныч, с «перхотью» связался? Но потом отнеслись с пониманием. Так всё хорошо бы и шло, да тут вдруг случилось ...

Хата наша, как и все на «Матросске», была переполнена. Больше половины пацанов своих собственных «шконок» не имели и спали по очереди. Ели тоже по очереди, потому что стола на всех не хватало. И, не к столу тому будь сказано, – вечная очередь на парашу. Постирушки да сушка белья – особая история, а жить без них по-людски невозможно. Ну, и т.п.

Все это, однако, текучка. Главная же опасность в переполненной хате – это вши. Потому что неделями бороться с ними в этих условиях, таская на прожарку всё барахло до нитки, – канитель не из приятных.

Оттого за этим делом особо следили и каждого вновь прибывшего прямо спрашивали – не принёс ли «зверей».

Признаваться в «зверях» не страшно, потому что «по понятиям» никакая болезнь не зазорна – со всяким может случиться. Но вот не признаться в своей заразе и тем сознательно напакостить всему коллективу – это уже «косяк конкретный». Тут, распалившись, могут и зашибить пакостника, а то и макнуть в парашу.

Обычно бывалые сидельцы регулярно просматривают швы своей одежды.

И вот как-то утром один из таких бывалых на всю хату объяв-

ляет: «У меня платяная вошь». Все, конечно, тоже начали осматриваться, и сразу нашлось ещё у шестерых. У меня в том числе. Даже за 15 лет работы в геологии, мотаясь по экспедициям и постоянно общаясь с бомжами да бичами, я не цеплял их ни разу. И вот – подарочек!

Насчёт того, кто «почтальон», конечно, сразу подумали на Ванька. Оглядели его одежонку, и всё стало ясно.

Однако, бить Ваньку сразу не стали. Психических у нас не было, а всем нормальным всё же было понятно, что убогий он человек, а, значит, всерьёз спрашивать с него «как с понимающего» — нельзя. Поэтому на Ваньку пока что лишь обрушились с бранью.

А он зажался как зверёныш и молчит.

— Ты же знал, что у тебя вши! Почему неделю молчал? — Молчит.

– Тебя же конкретно спрашивали! Почему врал, скотина?! – Молчит.

– Отвечай, барбос, когда тебя люди спрашивают?! – Молчит.

– Да скажи ты хоть что-нибудь, придурок! – Молчит.

И этот его молчаливый ступор начал заводить всех больше и больше.

Тем временем наши авторитеты вступили в переговоры с начальниками и к обеду (а точнее, вместо обеда) нас уже повели на первую прожарку.

А прожарка – это через всю тюрьму тащить на себе матрацы, одеяла, подушки, простыни, одежду и всё прочее имущество хаты. Потом несколько часов стоять голыми в холодном тамбуре с разбитым окном (а время – зима), в ожидании, пока всё это барахло пройдет через единственный работающий прожарочный шкаф. Потом, наконец, искать свои шмотки, одеваться и волочь всё назад.

И вот тут, на прожарке, общее раздражение на Ваньку начало уже зашкаливать. Все стоят замёрзшие, голодные, усталые. Всё из-за него, а он упорно молчит и вообще никак не реагирует.

– Хоть бы прощения у людей попросил! – Молчит.

– Да ты что молчишь-то, чучело вшивое?! – Молчит.

– В глаза смотри, засранец! – Молчит и в глаза не смотрит.

Ну и началось.

— Да всё он понимает! Дурачком прикидывается!

— Где ему надо — он не глупый. А тут под идиотика решил проканать!

– Да чего мы с ним цацкаемся!!!...

Пошла цепная реакция взаимного возбуждения, и было видно, как вокруг Ваньки смыкается озлобленная стая, которая сейчас начнёт-таки его рвать.

А Ванёк лишь сильнее зажимается, сидя на корточках, и этим всё больше усугубляет своё положение.

Из всей толпы не набрасывался на Ваньку, кажется, только я. Но и не заступался. Во-первых, потому что, ко стыду своему, тогда уже вполне сжился с тюремными «понятиями», а по ним вступить за человека можно лишь после того, как он сам скажет за себя первое слово – Ванёк же тупо молчал, «кося» под пришибленного. А, во-вторых, потому что досадовал на него не меньше других.

Досады добавляло то, что сильно продрогнув в холодном тамбуре со своим хроническим бронхитом, я чувствовал, как начинаю опять простужаться. Болеть же мне тогда было никак нельзя, потому что уже начались суды, а это пятнадцатичасовые «лечебные процедуры» в переполненных автозаках, камерах-сборках и камерах-стаканах, да ещё сами судебные заседания, где надо быть в форме. Эх ты, Ванёк – долбаный пенёк!

Однако, зажавшийся Ванёк всё же как-то ощутил своими трепещущими в ожидании расправы клетками, что я – его единственная «соломинка». И в момент, когда все обернулись к особо разгорячённому оратору, уже поднявшемуся с рычанием «Да всё он, гадёныш, понимает...!!!», Ванёк вдруг сунул мне что-то в руку.

Я глянул и сначала не понял – это была маленькая конфетка-карамелька. Но уже в следующий миг меня пробурило ПОНИМА-

НИЕМ. Это он, простая душа, подкупал меня своей конфеткой, чтобы я его спас.

И странное дело. Взяв машинально эту карамельку, я почувствовал, что уже не могу не «вписаться» за нашкодившего Ваньку – ведь принял же его «жертвоприношение».

Многого не потребовалось. Цепная реакция в возбуждённой компании доходит до взрыва только при единогласии. Любое движение «не в ногу» сбивает общий резонанс. Поэтому достаточно было сказать несколько отрезвляющих слов, и совсем уже было вызревший взрыв начал распадаться на отдельные не опасные трах-тиби-дохи.

В итоге, всё как-то обошлось, а к вечеру авторитеты умно «подравнили» ситуацию и свежепрожаренного Ваньку забрали от нас на больничку.

Однако, я долго потом не мог унять какого-то нового для меня странного волнения – зацепил он меня своей карамелькой. И ведь случай, в общем-то, пустяковый. А вот и сейчас, когда начинаю вспоминать эту историю, во мне вновь отзывается то самое, ни на что другое не похожее чувство.

Как будто в тот миг с кусочка жизни вдруг содрались кожные покровы, и обнажилось её натурально голое, не отягощённое даже осознанием себя (и этим-то прошибающее!), естество. Перепуганно прыгающее сердце; отчаянно ищущая спасения душонка; её инстинктивный порыв к показавшейся «соломинке» и я, непроизвольно принимающий на себя роль той «соломинки» – не по уму и не по сердцу, а по какому-то изнутри понуждающему Закону Природы. И всё это прямого действия – без посредников в виде мотивов и рассуждений. И следом то странное волнение... От вдруг почувствованной связи с другим существом.

Конечно, «конкретным пацанам» тут «базарить» не о чем, одно слово – «порожняк». Но вот на языке французских философов-экзистенциалистов (возводящих своё имя к латинскому *ex-sistere* – «выходить наружу»), кажется, именно ЭТО и называлось

«экзистенцией» – непосредственным, не облачённым в условные формы, существованием. По их утверждению, это истинное существование «выходит наружу» только в сверхнапряжённых пограничных состояниях. И только в эти-то мгновения человек может повстречаться с собой «без галстука» и ощутить живые нити бытия. Что и волнует с непривычки.

Нет, всё же умеет жизнь устраивать «загогулины». Помнится, учась в университете, я всё никак не мог догнать умом суть душевных терзаний этих нервных последователей Жана-Поля Сартра и Альбера Камю с их «вшивой», как я тогда выражался, философией. И вот, на тебе! Через ваньковых вшей начал чуть-чуть догонять. И даже вот другим пытаюсь рассказать.

01.04.2018.

ЛЕПИЛА

(рассказ)

В тюрьме, с кем ни поговоришь (кроме «стремяг», стремящихся стать ворами) – ну прямо все невиновны. А вникнешь в дело, когда просят эти голуби написать им «касатку» – пробы ставить некуда. Но невиновных и в самом деле много. На этот счёт я даже вёл свою статистику – получилось процентов двадцать. Почти все «ЗАКАЗНЫЕ».

Не секрет, конечно, что наши органы давно уже работают как двухходовые денежные насосы: за деньги сажают – за деньги отпускают; за деньги «наезжают» – за деньги «крышуют» от «наездов». Причём, принятый к исполнению ЗАКАЗ выполняется неотвратимо, сминая все барьеры. Какая уж тут верность Присяге...

Но доходит это не сразу. И поначалу можно видеть, как очередной, ещё не очнувшийся от иллюзий «ЗАКАЗНОЙ», азартно фехтует в суде своими «железными аргументами». Делает точные выпады, мастерски отражает удары, а не понимает ещё, что сра-

жается он со стенкой – противника перед ним нет. Что по завершении этих его неадекватных действий (а как ещё назвать бой со стенкой!), в этой стене откроется дверца, и из неё «Именем Российской Федерации...» просто вынесут заказанное «Решение». Говорю, о чём знаю.

Ну, да и хватит об этом. Мы не на митинге, а чернил вся эта братва в мундирах и мантиях – не стоит. Но вот среди самих «ЗАКАЗНЫХ» есть такие, что хоть впору как у Пастернака – «...Достать чернил, и плакать...». Мне довелось встречаться со многими. Об одном таком расскажу.

* * *

Демидов Юрий Иванович – доктор медицинских наук, профессор, врач высочайшего класса, человек глубокой культуры, очень порядочный, очень скромный и очень самоотверженный. И вдруг в тюрьме! Почему?!

Сам он про это не рассказывал, а я не спрашивал. В тюрьме не принято задавать лишние вопросы, а много вопрошающий может нарваться на встречный вопрос – «С какой целью интересуешься?». Но, по случаю, я всё же узнал суть его «беды» (как выражаются зэки).

В тот период я отбывал свой срок в качестве тюремного библиотекаря и, по совместительству, «смотрящего» за тюремным храмом («свезло» как Шарику из булгаковского «Собачьего сердца»). Тогда же в библиотеку наладился ходить Виталий Николаевич – зам. начальника СИЗО по воспитательной работе. Был он начитан, воспитан и имел высшее педагогическое образование. Каким ветром занесло его в тюрьму, не знаю. Но от духа тюрьмы его явно воротило, и он спасался от него духом библиотеки.

Постепенно Виталий Николаевич перестал держать со мной начальническую дистанцию. И вот, когда я как-то в разговоре выразил удивление по поводу пребывания профессора Демидова в тюрьме, он вдруг разразился «сильными эпитетами» и рассказал мне подлинную историю демидовской посадки, с которой, оказы-

вается, специально знакомился. А дело было так.

Один новорусский олигархик попросил профессора Демидова за хорошую мзду «сделать» его сынку особо хитрый диагноз, чтобы отмазать паршивца в какой-то грязной истории. Юрий Иванович вник в суть и отказался. Родитель паршивца повторил просьбу, посулив уже не мзду, а «полный капец по жизни», если профессор откажется. Демидов отказался ещё решительней. И тогда включился план «Б».

Неотмазанный сынок заявил, что во время медосмотра доктор Демидов до него «сексуально домогался». И всё!.. В деле не было ровным счётом никаких доказательств. Ничего вообще, кроме заявления юного «терпилы» и его родителей. И, тем не менее, «недоговороспособного» профессора судили, признали виновным и посадили на три года по позорной статье. Коллеги и студенты пытались воевать за него – не помогло.

Всесильный папаша знал, что говорил, суля профессору «полный капец», потому что за скобками приговора действительно маячил крах всех сторон жизни. Потеря преподавательской и медицинской практики (из-за запрета на профессию), развал семьи (кто захочет жить с извращенцем), подмоченная репутация в обществе (у нас ведь «нет дыма без огня») и, мягко говоря, очень «сморщенная» перспектива на зоне (с такой статьёй могут и загнать под «шконку»).

Однако, не всё у них получилось. Жена, судя по поддержке, которую мы видели, ни на миг не усомнилась в своём муже, а тюремное начальство решило заполучить профессора медицины в свою тюремную больничку, и потому на зону его не отправили.

И вот тут всем стало ясно, что такое настоящий (тот ещё!) профессор медицины. Очень быстро он стал фактическим главврачом и кумиром тюремной больнички, хотя числился в ней разнорабочим. Надо было видеть, как великолепно он смотрелся в своей эковской робе с биркой на груди в окружении вольного медперсонала, любовно заглядывающего ему в глаза и испраши-

вающего дальнейших указаний. Сразу было видно, кто здесь кто.

А врач он был действительно от Бога. Диагнозы ставил снайперски, лечил эффективно и даже эффектно – не раз буквально ставил на ноги почти что уже «жмуриков». Причём, он как-то без суеты, ухитрялся быть всем сразу: в любой момент мог выдать профессорскую лекцию или провести семинар по любому медицинскому вопросу и одновременно оставался «машиной скорой помощи» с постоянно заведённым мотором.

Его «шконка» была недалеко от моей, и я часто слышал, как доктора Демидова поднимали среди ночи на очередное ЧП. То у кого-то приступ; то кого-то порезали; то кто-то вскрыл себе вены или впал в кому от очередного «передоза» (в тюрьме колютя так же, как на воле, только стоит это в три раза дороже). При этом, никогда я не слышал, чтобы Юрий Иванович ворчал по поводу этих постоянных ночных подъёмов. Всегда одна картина: молча встал, быстро оделся, тихо вышел – вернулся под утро.

Эзовская молва говорила, что доктор Демидов совершенно не смотрит на лица: ему что бомж в лохмотьях, что генерал в лампадах. И даже, если бы в его руках вдруг оказался тот самый олигархик, доктор, конечно, исполнил бы свою Клятву Гиппократа на все сто. Ясно дело, что зэкам с приходом Демидова жить стало веселей. Раньше приём заболевшего арестанта проходил примерно по такой, ставшей анекдотом, схеме:

— Что болит? Ладно, не рассказывай. Вот тебе таблетка. Эта половинка от головы, эта от жопы. Смотри не перепутай! Следующий...

Теперь же у сидельцев в самом деле появилась реальная (сказочная для тюрьмы!) возможность подремонтировать забарахливший организм.

Но, всё же, основными пациентами профессора были многочисленные (как вдруг оказалось) сотрудники СИЗО. Они сами шли к нему со всеми своими болячками, да ещё вели родственников, друзей, друзей родственников, родственников друзей... – «Всех

излечит-исцелит добрый доктор Айболит». Юрий Иванович, в итоге, вкалывал как ломовая лошадь, но, странное дело, взмыленным я его никогда не видел. Всегда свежий, подтянутый, приветливый. Или такой стальной человек, или, в самом деле, таким сам Бог помогает.

Мне тоже посчастливилось побывать в «лапах эскулапа», как ка-
ламбурил Юрий Иванович. Но подружились мы не на этой почве.

Доктор был заядлым книгочеем, а в тюрьме была богатейшая библиотека, копившая свои фонды аж с дореволюционных времён. В итоге, Юрий Иванович стал моим постоянным заказчиком книг, а я благодарным слушателем его остроумных литературных комментариев.

В притворе тюремного храма мы оборудовали что-то вроде избы-читальни. Стол, книжная полка, настольная лампа – небывалая роскошь для ээка. Здесь можно было без помех читать, писать, беседовать во всё свободное время – от ужина до отбоя. Будучи «смотрящим» за храмом, я кого попало в него не пускал, поэтому здесь никогда не было «тёрок» и «базаров». И только здесь не было накурено. Для Юрия Ивановича это, конечно, была отдушина, а для меня прямо живой колодец – черпай, не перечерпашь.

Так, проходя, Юрий Иванович научил меня многим медицинским фокусам, которыми пользуюсь до сих пор. Например, показал, как простыми приёмами прогнать по телу лимфу (эту «Тамарку-санитарку» на поле боя организма с болезнью). – Помогает! Показал акупунктурные точки для снятия аллергии. – Действует! Научил снимать напряжение и изгонять простуду дыхательными упражнениями. – Работает! Вообще, профессор Демидов был убеждён, что в самом организме есть абсолютно всё необходимое для исцеления и в условиях скудости арсенала тюремной больнички активно пользовался этим резервом.

Некоторые его советы касательно здорового образа жизни казались поначалу странными. Например, он советовал вообще не мыться мылом и шампунями, если есть возможность ежедневно

принимать контрастный душ. Дескать, кожа такой же орган, как печень или почки, и у неё есть своя нужная ей микрофлора. Угнетать эту микрофлору современными моющими средствами – это, примерно, то же, что травить микрофлору кишечника антибиотиками.

Кстати, сам доктор Демидов без крайней нужды никогда не прописывал антибиотики и был против сбивания температуры. Помнится, он говорил, что повышение температуры на один градус увеличивает иммунитет человека вдвое, и приводил слова Гипократа – «Дайте мне горячку, и я вылечу любую болезнь!». По его выражению, температура – это когда свои воюют с чужими, а антибиотики – это как «Бей своих, чтобы чужие боялись!».

Всё это, однако, детали. Общаясь с доктором Демидовым и будучи частым участником его стихийных «медицинских семинаров», я начал понемногу улавливать суть его главной профессиональной «фишки». А «фишка» состояла в следующем. Если дело не было экстренным (защитить голову, остановить кровь или вправить сустав), то Юрий Иванович подходил к пациенту не как к носителю конкретной болячки, а как к расстроенному музыкальному инструменту.

Сначала вникал в тип его телесной и душевной конституции: задавал странные вопросы; обращал внимание на вроде бы незначительные детали; примечал, как человек двигается, жестикулирует, разговаривает, какая у него физиономия, походка, фигура, голос. Это он определял, что за «инструмент» попал в его руки. Затем пробовал звучание ключевых струн этого «инструмента» (проводил прицельное обследование). Потом уже приступал к настройке. Причём, настройке именно всего «инструмента», а не какой-то его части. Как я понял, именно от этого «музыкального» подхода и шла энциклопедическая широта его медицинских интересов – от кожных болезней до психических.

Когда я как-то сказал Юрию Ивановичу об этих своих «наблюдениях», он рассмеялся, но подтвердил верность хода моей мысли.

Мол, да – «горячо». Но тут же добавил, что ничего нового тут нет. Такой же целостный подход к человеку издавна принят, например, у гомеопатов (но у них свои методы). Также, очевидно, понимали суть дела и в Древней Руси, поскольку в древнерусском и церковно-славянском языках слово «целый» и означало «здоровый». А целителем именовался тот, кто умел восстанавливать эту нарушенную цельность, или, говоря музыкальным языком, симфонию («согласное звучание») органов души и тела.

Меня, конечно, зацепила эта «лингвистика». Спрашиваю:

– А что тогда означает слово «врач»?

– Врач тоже старославянское слово. Но из другой оперы. Происходит от глаголов «врать, ворчать», что раньше означало «ворожить». То есть, врач в старинном понимании – заклинатель, колдун, кудесник. Это не совсем то же, что целитель. Этот своей ворожкой изгоняет из человека болезнь как злого духа, а тот самого человека делает недоступным для болезни.

– А «доктор» как переводится?

– Это уже из латыни. Доктор значит – «учитель, наставник». Поэтому свои доктора есть во всех науках – не только в медицине.

– А может ты, Юрий Иванович, и эзовскую «феню» истолкуешь? На ней ведь врач – «лепила»!

– А что? – интересное слово. Надо бы, конечно, у «авторов» спросить, но хочется думать, что «лепила» это тот, кто слепляет разлепившееся. То есть, тоже восстанавливает цельность. Или «лепоту» – изначальную красоту человека, так сказать. Если так, то я считал бы за честь называться «лепилой».

Вот тебе и на! Ай да профессор! Ну, тогда уж, Юрий Иванович, конечно, был «ЛЕПИЛОЙ» со всех заглавных букв. Потому, что ничтожными тюремными средствами так «слеплял разлепленное», что каждый раз это было похоже на маленькое чудо.

Думаю, однако, что «чудо» это происходило не только от обширных знаний и «фишек» нашего профессора, но и от того, что обычно называют «особым даром». Потому как все в один голос

утверждали, что от одного разговора с доктором Демидовым им становится лучше. А я заметил и другое: каждый раз от общения с ним самому вновь хотелось стать лучше. Он как-то намагничивал пространство вокруг себя, оживляя подвядшие в суеде высокие ориентиры.

Кстати, особым удовольствием было общаться с доктором Демидовым на немедицинские темы. Он любил и знал музыку, живопись, поэзию. Владел языками – немецким, английским и, конечно, латынью. Но, главное, он прекрасно владел русским, и его правильная старомосковская речь была прямо-таки бальзамом для слуха.

А ещё у Юрия Ивановича была замечательная манера ведения дискуссии. Он не бил в лоб собеседнику своим железобетонным тезисом, а вёл беседу в стиле Сократа. То есть, последовательно задавал точные вопросы так, что собеседник вроде бы сам приходил к верной мысли и радовался ей как своей.

За время нашего знакомства я не раз был получателем этой нечаянной радости. Например, именно таким манером он навёл меня на мысль о том, что русское мировоззрение и «русскую идею» (которую всё ищут, да никак не найдут) нужно искать не где-то, а в характерных особенностях русского языка – его грамматике, лексике, семантике и даже фонетике. Потому, что народный язык есть точный физический слепок с души народа – и это не метафора. При этом, язык доступен для строгого научного исследования, в отличие от субъективных художественных интуиций писателей, пусть даже самых гениальных. Эта идея оказалась прямо-таки «золотой жилой», и я потом крепко на неё «подсел». А подсказана была так, что вроде бы это я сам догадался. В этом весь Юрий Иванович.

В преподавательской деятельности профессор Демидов тоже исповедовал сократовский принцип – не тупо набивать голову ученика знаниями, а сначала зажечь в ней «фонарь» жажды познания. И дальше учёба сама пойдёт. Ну, тогда понятно почему

студенты так бились за своего преподавателя.

Отдельная вкусная тема – кулинарные идеи Юрия Ивановича. Здесь он превращался во «врача» от слова «ворожить» и ворожил, надо сказать, с большим талантом. Например, умел так мариновать худосочного тюремного минтая, что никакой сёмги не надо – пальчики оближешь!

Вот так мы жили-были. Прошло много месяцев. В тюрьме время течёт медленно, а оглянешься – пролетает быстро. И, наконец, Демидову подошёл срок УДО – условно-досрочного освобождения, положенного эску по закону при его общественно-полезном труде и отсутствии нарушений. Всем было ясно, что наш «доктор Айболит» выполнил эти условия уже тридцать три раза. Однако, суд ему в УДО отказал, несмотря на блестящую характеристику и особое ходатайство тюремного начальства. Отказал первый раз, потом (через полгода) – второй, потом (через год) – третий. Это означало только одно – «заказали» нашему профессору не только посадку, но и отсидку «до звонка».

С ожиданием УДО у многих были проблемы. Но трижды у нас не отказывали никому. Даже злым разбойникам. А Демидову отказали трижды – как злейшему из всех. Случилось это за неделю до моего освобождения. Был шанс выйти вместе.

Вечером того «судного дня» мы, как всегда, встретились с Юрием Ивановичем в нашей «избе-читальне». С нетерпением спрашиваю:

— Ну как?

– Отказали.

– Мотивировка?!

— Как всегда.

И протягивает мне листок с решением суда. Читаю: «... Суд не находит оснований полагать, что осужденный Демидов Ю.И. в достаточной мере исправился и не представляет более опасности для общества». И, как всегда, никакого обоснования. Просто, вот искали-искали «оснований полагать», да опять не нашли.

Никогда я не бранился в храме, но тут «Трам-перетрам...Твари поганые!» всё же вырвалось. Потому, что в самом деле – не по ГОСТам их творили.

А вот от Юрия Ивановича мы так и не дождались «оценочных суждений». Ни на грамм не потерял наш «ЛЕПИЛА» своей «цельности». Когда расставались, я высматривал печалинку в его мудрой улыбке, но он всё больше моей свободе радовался. Таким и отпечатался.

* * *

P.S.Найти Юрия Ивановича, после его отсидки, мне не удалось. Телефоны не отвечали, в сетях пусто. Может, уехал из Первопрестольной. Или, скорее всего, вообще из Страны. В самом деле – ведь ни лечить, ни учить в России ему уже нельзя. А за бугром полно друзей-однокурсников – помогут устроиться. И языки он знает. Правда, сам он очень уж русский. Но, может, это и поможет.

17.06. – 17.07.2018.

ГУСЕЛЬКИ

(песня)

Вы напойте, гусельки, мне запевки русские,
Зачаруйте русскою речью-ручейком,
Троньте струны тайные, напитайте думушки,
Да потешьте душеньку дивным языком.

Ладушки-сударушки, не подшиты валенки,
Травушка-муравушка, зимушка-зима,
Перстенёчек маленький, да цветочек аленький,
Счастье дурацкое, горе от ума.

Дальняя околица, тонкая рябинушка,
Расставанье с девицей – маковой зарёй.
На распутье камушек, не хитра судьбинушка:
Или с плеч головушка, или пир горой.

Пляска залихватская, тесно печкам-лавочкам,
За душой ни грошика, на сердце теплынь.
Всем полна коробочка: чарка сладкой водочки,
Трынё-трава весёлая, горькая полынь.

Дайте ума-разума, сказы сокровенные,
Байкой-прибауткою изженись печаль,
Лепотою-лепетом о любви напомните,
Да крылатым словушком поманите вдаль.

Ой ты степь широкая, ой ты Волга-матушка,
Троечка почтовая, синяя метель,
Белая берёзонька, милая сторонушка,
Скатертью дороженька в тридевять земель.

За курганом вражья пыль, в чаще волки рыскают.
Воронё задорится на святых крестах.
Но недаром мнут ковыль кони богатырские,
И недаром молятся иноки в скитах.

В небе гуси-лебеди, светит красно солнышко,
Едет чистым полюшком дедушка Илья,
Стережёт Иванушку верная Алёнушка,
Да рождает хлебушка Мать – Сыра Земля.

Вы напойте, гусельки, мне запевки русские,
Зачаруйте русскою речью-ручейком,
Троньте струны тайные, напитайте думушки,
Да потешьте душеньку дивным языком.

Марина ЗОЛотоВА

Золотова Марина Ивановна родилась в городе Воскресенске. В настоящее время работает в ГБУЗ МО «Воскресенская станция переливания крови». Почётный донор Российской Федерации.

Член Союза писателей России, секретарь правления Воскресенского литературного объединения «Радуга» им.И.И. Лажечникова.

Публиковалась в международных изданиях «Поэзия», «Созвучие», «Светопись», альманахах «Воскресенск – моя родина светлая...», в антологии «Золотая строка Подмосковья», газетах «Наше слово», «Куйбышевец», «Искра ТВ», «Воскресенск литературный».

Автор сборников стихов «Любви всегда на свете мало», «Я счастливая», «Моим любимым малышам» и автор книги прозы «С любовью о ЛИТО», а также соавтор антологии «Золотые страницы ЛИТО».

Марина Золотова входит в состав музыкальной группы «Белая свеча», являясь её солистом. Кроме того, она – исполнитель и автор собственных песен и романсов. Призёр трёх международных конкурсов исполнителей песен в городах Астрахань, Тверь, Казань.

За творческий труд отмечена Золотой Есенинской медалью, медалями А. П.Чехова, И. А. Бунина, А.Т. Твардовского.

Награждена почётными знаками «За труды и усердие», «За активную гражданскую позицию» – главы городского округа Воскресенск.

Имеет звание «Заслуженный поэт Подмосковья».

ПЕСНЯ О ВОСКРЕСЕНСКЕ

Мой родной Воскресенск,
В нежной дымке рассвета,
Мне дороже тебя
На земле этой нет.

Теплотою твоих
Тополей я согрета –
Для меня на земле
Лучше города нет.

Перезвон твоих храмов
Ласкает мне душу,
Ты плывёшь широко
Над Москвою-рекой.

Клятву вечной любви
Я к тебе не нарушу –
Нет тебя в мире лучше,
Город мой дорогой.

Мой родной Воскресенск,
С чем тебя мне сравнить бы?
Мне с тобою одним
Свои песни вершить.

Город мой, здесь жила я,
Росла и любила,
И всем сердцем тебя,
Продолжаю любить.

сон

Садясь в прокуренный вагон,
Не замечаю едкость дыма.
Я знаю точно лишь одно,
Что я тобой одним любима.

Не слышу гомон голосов,
Я далеко... С тобою рядом...
И рухнут тысячи оков,
Когда с тобой коснёмся взглядом.

Все думы только о тебе,
Я растворилась без остатка.
Ты ждёшь, я точно знаю – ждёшь,
И мне от этой мысли сладко.

Закрыв глаза, сквозь время мчу,
Лечу я, устали не зная,
В твои объятия спешу,
Разлуки боль преодолая.

Но сон растаял, словно дым,
Глаза неспешно открываю.
Ты нежен мне, необходим,
С рассветом я тебя теряю...

* * *

Ведём с тобою странный бой,
По встречам и по расставаниям,
Теряем время и покой, –
Всё ради нового свидания.

посвящается ладу

Слов на свете очень много,
Надо выбрать главные.
А какие взять в дорогу:
Складные, забавные?

И какими можно ранить
Больно и безжалостно?
О тебе, мой милый странник,
Только лишь терзания.

Если слов совсем немного –
Берегу крупиночки,
Если хватит взять в дорогу,
Дам по половиночке.

У меня душа – копилка...
А на самый чёрный день
Отошлю тебе посылку
С тихой радостью – взамен.

* * *

А небо, словно прохудилось,
Дождь бесконечно льёт и льёт,
Там, видно, что-то приключилось –
Прорвало дождикопровод.

По лужам шлёпать нет желанья
И про свиданья речи нет.
К небесным силам пожеланье –
Не приносите мокрый вред.

Устали птицы и букашки,
Устали люди от зонтов.
Ботинки мокнут и рубашки,
Ну, в общем, загрустил народ.

Мелькают дни – умчится лето,
Нас не побалуя теплом.
Не объяснив, не дав ответа, –
Что, где и как пошло на слом.

* * *

Дай Бог мне сил не разлюбить,
Столкнувшись с трудностями жизни,
И пронести свою любовь
С рождения до самой тризны.

Любить детей своих светло,
Закрыв глаза на зло чужое,
Молиться, чтобы им везло,
Не разменяться на пустое.

Дай Бог мне сил не разлюбить
Жару и холод, дождь и ветер,
Всё, что дано преодолеть,
Не зря прожить на этом свете.

Дай Бог мне сил не разлюбить.

* * *

Грусть меня перехитрила,
В моём сердце поселилась –
И грустит, и слёзы льёт,
Мне покоя не даёт.

С ней пытаюсь пошутить я,
Прочь старается бежать,
Рассуждаю, убеждаю,
Чаем с мятой угощаю,

Нежно песни напеваю,
Но дружить с ней не желаю!
Как её уговорить
Место жительства сменить?

* * *

Ты рядом,
И слов не надо,
Просто рядом со мной посиди.
Ты рядом,
Я очень рада.
Законов нет у большой любви.

Ты рядом,
И слов не надо,
Сказать, что надо, ты не спеши,
Ты рядом,
Мне хватит взгляда,
Ведь я частичка твоей души.

Марина КАБАНОВА

Кабанова Марина Николаевна живёт в городе Белоозёрский Московской области. Член Союза писателей России. Автор поэтических сборников «Я –большого случая маленькая дочь» и «Тростиночка». Член редакционного совета альманахов «Воскресенск – моя родина светлая...», «Белоберёзовый мир», «Созвучие». Печатались в сборниках «Золотая строка Московской», «Лучшие поэты Подмосковья», журнале «Поэзия», «Литературной газете» и других центральных изданиях. Печатались в русско-болгарских альманахах «Созвучие», «Светопись», «Подмосковные поэтические созвездия», в газетах «Посредник», «Новият пулс», журнале «Мизия», в международном журнале «Форум», в альманахах Издательского Дома «Серебро Слов».

Лауреат конкурса им. Елены Слободянюк, дважды лауреат конкурсов «Литературное Подмосковье».

Дипломант губернаторской литературной премии имени Р. Рождественского 2007 г.

Принимала участие в международных литературных совещаниях (Болгария, Греция, Албания, Черногория).

Автор слов более 100 песен. Песни на её стихи исполняют Рада Рай, Наталия Москвина, Иосиф Кобзон, Ксения Георгиади, Сергей Скачков (группа «Земляне»), Игорь Маевский, Наташа Дольче, Александр Басанов. Две песни в исполнении Рады Рай стали лауреатами всероссийского фестиваля «Шансон года» (2010-2011гг.).

* * *

Елене Слободянюк

В перламутре раковины неба
Алая жемчужина горит –
Солнце драгоценное! Вот мне бы
Прикоснуться к таинству зари,

Чтоб не плакать о былом напрасно
И того не испугаться дня,
Где, надеюсь, в небесах прекрасных
Кто-то встретит с радостью меня!

* * *

Храни меня, Судьба, от лёгкой славы,
От праздности и светской пустоты,
Пусть лесть не напоит меня отравой
И не бросает под ноги цветы!

В том блеске ни тепла, ни откровенья,
Ни света, ни веселья не найдёшь.
Полюбишь только то своё творенье,
Что из любви и боли соберёшь.

Пускай в заботах о насущном хлебе,
Вкуснее не придумано пока –
Горячую краюшку мне бы
Да крынку ледяного молока!

РОЗА

Да разве роза виновата,
Что, пряча колкие шипы,
Она притягивает взгляды
Людской толпы!

К ней каждый жадно тянет руки,
Сломать поспешно норовя,
От любопытства иль от скуки, —
—Моя, моя!

Ну что шипы? Их просто срежут,
Случайный не простив укол.
Лишь аромат её, как прежде,
Немой укор.

И только жалобно заплачет
Тот соловей,
Что серенады пел ночами
Одной лишь ей...

* * *

Кто-то едет по дорожке накатанной,
Кто-то знает обо всём наперёд,
Ну, а наша не простая, с ухабами...
На пути опять крутой поворот.

А когда-нибудь удачу догоним мы,
Пусть нелёгко будет путь и далёк.
А дороги — и кривые нам дороги,
Было б скучно на Земле без дорог!

А куда-нибудь кривая, да выведет
И когда-то, наконец, повезёт.
Так не будем делать умные выводы
Или глупые? Да кто разберёт?

Эх, привычка наша русская вечная—
Все невзгоды на ненастье валить.
На природу обижаться нам нечего—
Надо просто научиться любить

Это небо, что порою неласково;
Эти травы, что мы топчем давно;
Эту жизнь — да всё равно
распрекрасную, —
Ведь другой нам на Земле не дано!

ВЕРЮ

Когда отвернётся весь мир от тебя,
Закроют безжалостно двери
Вчерашние жёны, подруги, друзья, —
Тебе я сумею поверить.

Когда тебя больно ударит Судьба,
И раненым загнанным зверем
Забьёшься в бессилии ты... И тогда
Тебе я сумею поверить.

Когда разуверишься, даже в себе,
Не зная, чем горе измерить,
Любимый, ты вспомни тогда обо мне,
Тебе я сумею поверить.

Александр КАЛИННИКОВ

Поэт, член Союза писателей России, обладатель литературной награды – медали им. А.И.Булгина, – Калинин Александр Михайлович, родился 05.03.1964 года в пос. Новая Дуброва Унечского района Брянской области. Окончил школу в 1981 году с золотой медалью. Поступил в Академию им. Тимирязева, которую окончил в 1986 году с красным дипломом по специальности агроном. До 1991 года

работал на должности главного агронома совхоза «Фаустово». С 1991 года возглавлял фермерское хозяйство «Анна». В 2012 году был избран главой Воскресенского муниципального района. В 2016 году вернулся на должность руководителя фермерского хозяйства. Женат, 6 детей.

Публиковался в периодической печати, российско-болгарском сборнике стихов «Созвучие», международном литературном альманахе «Серебряный дождь».

Стихи Александра Калининкова – не только отражение нашей жизни, наших забот, но и глубокий поиск самого себя как личности, то есть того тайного, что становится понятным только посвящённым. Эта небольшая подборка, – стихи из его книги «Дорога в небеса и обратно», где выразителен образный рисунок и философская глубина обобщений, что даёт нам возможность понимать и принимать поэта как близкого соратника по литературному промыслу. Поэт стоит в начале творческого пути. Его истоки, по определению – Любовь, Мать-земля наша и люди, живущие и работающие на ней.

* * *

Здесь всё ещё хранит твоё тепло,
И струны у гитары не остыли.
И видится нечётко образ милый
Сквозь мутное вагонное стекло.

Всё то же здесь –
Цветы, на окнах шторы,
Всё те же звёзды ночью,
Солнце – днём.
А мне всё чуждо, пусто...
О былом
Я вспоминаю в опустевшем доме.

Вернись скорей! Прошу тебя –
Скорей!
Приди, сними с меня оцепененье.
Забывшее давно ожесточенье
Опять не спит в душе моей.

Но нет тебя.
Бессмысленно, ненужно
Часы однообразно мерят дни,
Как будто в этом доме грустном
Остались жить они одни.

* * *

Словно крылья в душе
вырастают моей, –
Если я о тебе вспоминаю.

* * *

Пряный запах листвы –
Запах женщины милой.
Увяданье деревьев –
Пробуждение чувств.

Я опять в сентябре,
В эти дни золотые,
Безнадёжно и сильно
В кого-то влюблюсь.

СВИДАНИЕ

Сначала свет, затем сиянье,
Затем и светлый облик твой
Явился мне. Очарованье
Принёс, забрав души покой.

Восторг и трепет, и томленье,
Как прежде, в юности моей.
То было жизни пробужденье,
И лучший день из многих дней.

* * *

Как будто не было зимы,
Как будто не было печали,
Когда венчальные псалмы
Нам в белом храме прозвучали.

Как будто не было снегов,
Как будто не было разлуки,
Когда под пение хоров
Соединились наши руки.

* * *

Во все века великие поэты
Слагали песни женщинам Земли,
Мгновеньем чудным, тайной,
тёплым светом
Назвав, остановиться не могли.

Царь Соломон, сложивший
Песню песней,
И Блок, и Пушкин,
даже сам Толстой
Не знали в жизни ничего чудесней,
Загадочнее женщины земной.

И ныне мы – мужчины всей планеты
Перед тобою, Женщина, стоим, –
Колени в пол,
а руки ввысь воздеты, –
«Славнейшей без сравненья Серафим»!

Пока живёт в нас это преклонение,
И кто бы нам чего ни предвещал,
Жизнь не угаснет, будет Воскресение,
Отступит предречённая печаль.

* * *

Осенний ветер без конца.
Пустое небо без улыбки.
Слепым дождём на глади зыбкой
Размыты контуры лица.

Последний лист ещё дрожит,
Как сердце в бешеном волненье,
И, вдруг, – отрыв, полёт, паденье,
Смешенье с душами других.

Попытки робкие на жизнь
Теперь оставь, укрывшись тленом.
Всё, что казалось раньше пленом, –
От плена тоже откажись.

Душевной силы не жалея,
Стремись на волю ежечасно...
И окажись неожиданным счастьем
В объятьях матери своей.

* * *

Будто нож гильотины, безжалостный рок
Разделил мою душу и тело.
Я ушёл от тебя за тюремный порог,
Ты меня отпускать не хотела.

Сквозь решётки, молитвенно, руки твои,
Словно белые ветви сирени,
Простирались ко мне, говоря о любви,
А в глазах твоих слёзы блестели.

Ты не плачь, а домой поскорей уходи.
Зря с ресниц опадают слезинки,
Я с тобой, я давно у тебя на груди
Притаился в заветной ложбинке.

У тебя на груди, под распятым Христом
Бьётся тонкая жилка несмело –
Это я, притаившийся в сердце твоём,
За решёткой оставивший тело.

Нам ведь хватит с тобой одного на двоих?
Мы и раньше об этом мечтали.
Пусть продлится навек этот радостный миг.
Лишь бы нас никогда не разъяли.

* * *

Я уже умирал, я уже покидал эту землю,
И в осеннюю ночь в небеса улетала душа,
Я теперь эту жизнь с новой силой и лаской приемлю.
И люблю, и живу, полной грудью до хрипа дыша.

Я теперь не боюсь ни суда, ни расплаты, ни ада.
Видел я небеса, и с небес я на землю смотрел.
Мне теперь ничего, ничего, кроме жизни, не надо.
Я уже умирал, а пожить я – ещё не успел.

В небесах хорошо, только хочется очень вернуться,
В небесах – всё весна, только хочется очень в дожди.
Если снова уйду, и за мной облака запахнутся,
Ты не верь никому, я вернусь, ты чуть-чуть подожди.

* * *

*В существовании Бога
меня убеждают: звёздное небо
надо мной и нравственные
законы внутри меня.
И. Кант.*

Какой простор, какая снежность!
Какая полная луна!
Какая звёздная небрежность
И вековая глубина!

Когда глаза мои открыты,
Когда душа обнажена,
Обиды старые забыты,
И в небо мысль устремлена,

В такую ночь, я твёрдо знаю,
Что я совсем не одинок,
Что есть в холодно-звёздном рае
И смысл и совесть, то есть – Бог.

ЗАЧАРОВАННЫЙ ХРАМОМ

Зачарованный храмом, застыл с изумлённой душою,
Перезвоном святым, словно зовом, сюда приведён.
Я так долго бродил по дорогам, мне данным судьбою,
И ответа искал на вопрос – для чего я рождён?

В суете и заботах года без ответа летели,
Я любовью любовь проверял, и врагами врагов.
Мои плечи согнулись, виски добела поседали,
Дни короткими стали – и длинными ночи без снов.

И вот только теперь я стою пред Твоими вратами,
Заблудившийся сын. И мне трудно и страшно войти.
Я умылся водой и росой, и своими слезами.
Отпусти мне грехи и до Чаши Святой допусти!

Своей Кровью Честной оживи мою грешную душу,
Своим Духом Святым затуманенный ум просвети.
Я молитвой своей в Твоём храме покой не нарушу –
Я вернулся домой! Я прошу тебя, Отче, прости!

* * *

« –Молись — самое главное.
Там Бог близко. Ты увидишь!»

Архимандрит Иоанн

(в миру Иван Михайлович Крестьянкин)

Что оставил я там – за решёткой стальной?
Отчего не спокойно мне ныне?
Я на волю иду, и мне надо домой.
Я чужой в этой мерзкой пустыне.

Все, кто были со мной – не друзья, не враги,
Просто «масса», усталые «зэки».
Там не бойся, не верь, не проси, не беги.
Человек там – бревно человеку.

Но заботу Творца и Его доброту
Я и там ощущал ежечасно.
Там я снова поверил в любовь и мечту,
Понимая, что всё не напрасно.

И теперь не боюсь ни молвы, ни суда.
Не терзай меня больше, тревога.
Я оставил свой страх за стеной навсегда,
А унёс ощущение Бога.

МЕЛОДИИ ТЮРЬМЫ

На колючке стальной воробьи, словно ноты
в миноре,
И ворона, скрипичным ключом притворившись,
сидит, –
Это грустная музыка судеб людских и неволи,
Это песня «запретки» в душе арестанта звучит.

Всё раскрашено в клетку: и ночь, и закатное небо,
Белый храм на горе, серый дым от далёких костров.
Даже запахи в клетку: баланды, и пота, и хлеба.
И звучит в унисон им, гремящий на двери, засов.

Но ворону прогонят рассветной мелодии звуки,
Воробьи улетят, но их место займут снегири.
Мне под утро приснятся твои долгожданные руки
И симфония детского смеха, и нашей любви.

Галина КРЕСТЬЯНОВА

Крестьянова Галина Николаевна родилась в Кемеровской области. В 1967 г. переехала в Московскую область. Окончила среднюю школу № 23 в посёлке Белоозёрский. Трудовую деятельность начала в НИИИ фрезеровщицей. Затем десять лет была заведующей Михалёвской библиотеки.

С 1987 г. работает в органах местного самоуправления. Начала — в Михалёвском сельском Совете секретарём исполкома, затем была избрана главой администрации Михалёвского округа, по расформированию округа трудилась в администрации городского поселения Белоозёрский. В настоящее время — в МБУ «Меркурий».

Стихи начала писать поздно, первое стихотворение написала в 2005 году. Печаталась в газете «Наше слово», муниципальной газете «Округа», в разных выпусках литературного альманаха «Воскресенск — моя родина светлая...», первом сборнике стихов «Белоберёзовый мир». Безусловно, предлагаемая публикация — продолжение удачной творческой биографии.

* * *

Мне в детстве мама говорила,
Что миром правит доброта.
И я сегодня понимаю,
Что истина правдива та.

Немало минуло с тех пор —
У сына есть свои уж дети,
А голос мамы до сих пор
Живет со мной на этом свете.

ПРОЩАНИЕ

Прощание. Мы вымерим шагами
Оставшиеся несколько часов
Своей любви. Под нашими ногами
Снег заскрипит. На сотни голосов
Застонет ветер в узких переулках,
Коснётся душ и выдует из них,
И без того опустошенно-гулких,
Последнее тепло. Мы на двоих
Разделим эту ночь и наш посёлок
Почти пустой, и колкий холодок
Снежинок, попадающих за ворот...

Разделим всё и — подведём итог.

Фонарь качнётся, обезумев, тени
Запляшут страшный танец на снегу.
Без боязни, соблазна и сомнений
Ты переступишь их. А я смогу?

* * *

Мы прощаемся, милый? Уходишь?
Отчего? Что случилось — скажи?
А в ответ — нужных слов не находишь,
Опускаться не хочешь до лжи.

Испугался чего-то? Чего?
Своей нежности, ласковых слов?
Ты боишься поверить, что есть
В нашем возрасте чувство — любовь?

БЕССОННИЦА

Бледнеет небо в незашторенном окне,
Дождь перестал, как начался, внезапно,
Живых теней расплывчатые пятна
Испуганно метались по стене.

Час до рассвета. Ночь прошла без сна,
На выдохе беззвучном, на изломе.
И обо всем жалела память, кроме
Того, чему черта подведена.

Ночь без тебя... И снова слезы жгут.
Испуганно замрёт на циферблате
Немое время. И опять не хватит
До вдохновенья нескольких минут.

* * *

Мне уютно с тобой и тепло,
И забвенья ищу я с тобой.
Может, бедам и людям назло
На твою мне ответить любовь?

Может слиться в едином порыве
И открыть своё сердце тебе,
Чтоб не ныло в нежданном надрыве,
Подчиняясь нелёгкой судьбе?

Ненадолго покажется счастье,
Я забудусь от горя и бед...
За окном, как и в жизни, — ненастье,
Хмурый, серый рассвет.

ГОЛОС МАМЫ

Когда-то мама говорила:
«Родные, как я вас люблю!»
Теперь, когда её не стало,
Слова я эти повторяю.

Когда-то мама говорила:
«Устала жить, любить и петь».
И я сегодня понимаю —
Всего, что хочешь — не успеть!

Мне в детстве мама говорила,
Что миром правит доброта.
И я сегодня понимаю,
Что истина правдива та.

Немало минуло с тех пор
У сына есть свои уж дети,
А голос мамы до сих пор
Живет со мной на этом свете.

* * *

Вот, наконец, пришла зима
И мягким снегом, враз,
Покрыла улицы, дома
И побелила грязь.

И мир вдруг чище сразу стал,
Светлей и веселей.
А что случилось? Снег упал
На улице моей.

БОЛЬ

Боль и страх перед болью.
Ночь страшит, как всегда.
И – собака завоет,
Потому что – беда.

Пред глазами проходит
Вереница всех дней.
Только боль не уходит,
Бьется сердце сильней.

Ну, за что мне мученье?
За какие грехи?
...До утра, без забвенья,
Сочиняю стихи.

* * *

Ну и пусть не любовь, просто —
 нежность.
Этой нежности хватит для нас.
Да и жить ведь осталось —
 не вечность,
Это чувство для нас в самый раз.

Не пушу. Не отдам. Не расстанусь.
Без тебя очень плохо мне жить.
Хорошо, пусть мечтою останусь...
В сны к тебе я могу приходить?

* * *

Прости, что песней недопетой
Осталась в памяти твоей
И что хожу по белу свету,
Внимая крику журавлей,

И что холодною порою
Не я тепло тебе дарила,
И к алтарю я не с тобою
Однажды в жизни подходила.

Не мне в глазах твоих печальных
На свой вопрос искать ответ.
Прости, мы встретились случайно,
Поверив, что разлуки – нет.

Уйдут печали, стихнет боль,
Привыкнем к ритму скучных буден,
Смиримся с мыслью, что любовь
Делить с тобой уже не будем.

Прости, что снова ухожу,
Что стало нам не по пути ...
Но почему, скажи, должны
С тобой по жизни врозь идти?

* * *

Роняют листья золотые клёны.
Рябины выставили гроздья напоказ.
Вносит лето свой наряд зелёный,
И пёстрым кружевом встречает осень нас.

КОГДА ГАСНЕТ СВЕТ

Зимний ветер зашумел,
И луну закрыли тучи.
Свет погас. Дом онемел
И нахмурился дремуче.

Спят важнейшие дела,
Мысли, радости, кручины...
Пробудились силы зла,
Дремлют снятые личины.

И несбыточные сны
Навевают силы ветра,
Прибавляя седины
Постепенно, незаметно.

ВНУКУ

Любимый мой, как быстро ты растешь!
Я за тобой взрослеть не успеваю.
Я над тобой, как прежде: баю – баю,
И старой сказки сладостная ложь.

Но ты растёшь – и мне с тобой расти,
И мне давать советов осторожных.
Любимый мой, за то меня прости,
Что за тебя всегда тревожусь.

Зоя КОРНИЕНКО

Член Союза писателей России Корنيينко Зоя Константиновна родилась и выросла в Подмоскowie. Уже в школьном возрасте взялась за перо. Публиковалась успешно в печати всех уровней.

Удостоена ряда наград, среди которых: премия и медаль им. Елены Слободянюк, диплом Московской областной литературной премии им. Роберта Рождественского, диплом победителя литературного состязания Всероссийского молодёжного форума «Селигер» (2 место, в финале судил Евгений Евтушенко). Автор поэтического сборника «Благая песнь».

ТЕЧЕНИЕ

Один и тот же длинный, длинный день...
Я сплю и вижу тени над рекою,
И я – река, и небо луговое
Глядит в себя в речной моей воде.
Один и тот же. Сонный небосвод
Хранит дожди и тучи грозовые,
И ты – гроза, и мы с тобой – живые.
И будет ночь, и явится восход,
И ты придёшь. Ты спустишься с небес
И озаришь бегущую стремнину,
И берега я прежние покину...
И будет мир. И жаворонка песнь.

Ольга НОВИКОВА

Новикова Ольга Александровна – академик Академии Российской словесности, член Союза писателей России, Заслуженный поэт Подмосковья, дипломант премий Р. Рождественского и М. Пришвина, родилась и живёт в городе Воскресенске. Автор 10 книг стихов и прозы: «Я любовь назову твоим именем», «Маков цвет», «Сезон нежности» (переводы с болгарского языка), «Аз твоята земна печал»

(издательство Болгарии), «Три дня в Коиловцах», документальной повести «Протоиерей Александр Сайгушев. Жизнь», сборников стихов для детей «Стихи и картинки для мальчика Димки», «Знайко-познайко» (переводы с болгарского языка), «Стихове и картинки за момчето Димка» (издательство Болгарии), «Радостью окрылённые».

Является составителем коллективных сборников, входит в состав жюри многих конкурсов, в состав редколлегий альманахов, печатается во многих международных изданиях.

Награждена медалями им. Елены Слободянюк, «Ревнителю просвещения», «Мастер словесности», «За заслуги в культуре и искусстве», «За жертвенное служение» во имя св. Благоверных князей Российских Бориса и Глеба за труды во славу Отечества, Веры и народа российского» и другими государственными и общественными знаками отличия.

Из цикла стихов «Прощанье с летом»

* * *

Грустью флейты навсегда – август,
Стуком падающих груш – вечер...
И блуждает по ночам вагус,
Утверждая, будто он вечен.

Цвета белых облаков – август,
Цвета блеска серебра – ночи,
Развернуть бы мне судьбы ракурс,
По слогам бы разобрать почерк...

Вкусом мёда и перги – август,
Вкусом горечи твои – губы,
Неприбывна от тепла радость
Отдаётся в руки мне скупю.

Прикасанием жары – август,
И прохладой – по земле мудрой,
Обожжёт до холодов айву,
Осыпаясь на ветру пудрой.

Сном печали и любви – август,
С крыш – обманчивых рябин кудри...
Там, где голубь исклевал влагу,
Мальчик флейтой разбудил утро.

* * *

Очарованно дарит небо
Золотистого света слитки,
Наливается соком «мельба»,
Наклоняясь к резной калитке.

И причудливые узоры
Стелют ветви, касаясь крыши,
Духом яблок – полны просторы,
Духом яблок округа пышет!

Проплывают, лучась, картины:
Всё родимое – снова рядом, –
И белеющие гардины
Над задумчивым палисадом.

* * *

Лиловый остров хризантем
По вечерам клубился паром,
Прощался август, и недаром
Горчил, сгорая, летний день.

И незаметно между тем
Ложились сумерки устало
Со звоном лёгкого металла
На вечность Боговых систем.

...А, может, осень и вернёт
Тепло, укутанное в дымку?
И потечёт небесный мёд
Легко на лунную тропинку...

* * *

1

Вечер шёл по траве в полоску,
Где ступеньками – светотени,
Следом – летние отголоски –
Семена – мотыльки летели.

Тонконогий качался лютик
Над покровом сырых материй,
Рыжей цаплей в ночном этюде,
В декорации снов-мистерий...

2

Вдруг – один поворот с центральной
Заструился нездешним светом:
Ты – навстречу – целенаправленно
Чуть белеющим силуэтом...

И забилась, как сердце, радость,
(Посветлело на небосклоне):
Мне глаза твои видеть надо
И потрогать твои ладони,

Да душой бы слегка коснуться
И прижаться к твоей, родимой,
Да скорей, чтобы не проснуться,
Да скорей, чтоб не разбудили...

3

Ухнул ветер и, без мороки,
 Всколыхнул и унёс виденье ...
 Стынь безлика вдоль дороги,
 Да ступеньками – светотени...

Снова в зарослях полосатых
 Травы влажные чуть блестели,
 Развлекая шмелей пузатых
 Густоцветием повители.

...Только солнца литые струи,
 Только лютиков тонкий свет
 Да аллеи – прямые струны.
 А тебя-то нигде и нет...

* * *

Холодный август зазвенит в соцветьях,
 Зашелестит подсохшею листвою,
 И захочу тебя опять согреть я
 Своей любовью всё ещё живой.

Я прикоснусь к дыханью листопада,
 К ольховым веткам, сердцу дорогим,
 Не сторонись, мне, может, очень надо,
 Чтоб жил ты рядом именно таким.

Ловлю я солнца зайчики, играя,
 И, приближая бесконечность дней,
 Иду к тебе, себя преодолая,
 Дорогой, что всё уже и длинней.

* * *

Я таким тебя знаю, август,
 В ризе крапчатой возле яблонь...
 В ночь цветы все на землю лягут,
 Забываясь в прохладе пряной.

Полумгла тихо выпьет влагу,
 Ты узнаешь о том, что здесь я...
 Звёзд летящих обрушит лаву
 Купол дальнего занебесья.

Ветер будет шептать неслышно
 О забытом, далёком, юном...
 Приглядишься и тогда увидишь
 Ты меня в одеянии лунном...

Акварелью раскрась бумагу,
 Нарисуй эту ночь и звёзды.
 Остудить не старайся, август,
 Докрасна раскалённый воздух...

* * *

Дымка горькая хризантем,
 Утекая к вечерней выси,
 Как начало осенних тем
 Наполняла печалью мысли...

Сад загадочный и немой
 Пригорюнился неслучайно,
 Весь объятый большой луной
 И задумчивостью молчанья.

АНГЕЛ

Ткали сумерки гобелен
И узорчато и лилово,
Погружая в незримый плен
Каждый взгляд в тишине и слово.

Но казалось, что всё вокруг,
Что в опавшей листве томится,
Над землёй вознесётся вдруг
И за дымякою устремится...

* * *

Убегает дорожкой август
И петляет среди огня
Там, где бабочки в рыжей заросли
Млеют, крылышками звеня.

Где стрекоз невесомых крылья
Травяную тревожат гладь,
Где легки ветерка порывы,
И волнения не унять...

Так и хочется, где рябишник
Рассыпает до неба цветъ,
Поклониться земле притихшей
И тихонечко умереть.

Над поймою парил неспешно ангел,
Вокруг – пустынно, рядом – никого.
Торжествен был венец, сияли длани
И облаченье белое его.

Небесная река текла чуть слышно,
Он плыл по ней, расплёскивая свет
На старый парк, пруды, усадьбу, крыши
И свет на то, чего сегодня нет.

Большой ответной радостью светились
Земля в цветах рябишника, река,
И красными садами восходили
По берегам деревья-облака.

Качнулся день, как встретились два взгляда,
И поспешил уйти скорее вспять...
Сынок! Ты в детстве так боялся падать,
Когда же научился ты летать?

Но он парил в безбрежное сиянье,
Благословив невидимо меня,
И долго-долго длилось расставанье
Над кромкой ускользящего дня...

Исчез мой ангел, растворился, тая,
В немыслимо далёком далеке...
В душе осталась тень его святая
Да лепесток от облака в руке.

Андрей ЛЫСЕНКОВ

Андрей Викторович Лысенков родился в 1988 году в Воскресенске.

Член Союза писателей России. Автор книг «Искушение светотенью» и «Високосный век». Член редакционных советов антологии «Созвучие» и альманаха «Воскресенск – моя родина светлая...» Публиковался в антологиях «Золотая строка Москвитии», «Золотая строка Подмосковья», «Литературный Воскресенск», «Созвучие», альманахах «Воскресенск – моя родина светлая...», «Подсолнушек», «Белоберёзовый мир», «Подмосковные поэтические созвездия» (Болгария), «Светопись» (Болгария), серии сборников стихов «Серебряный дождь», сборнике рассказов «Серебряный родник-2», журналах «Поэзия», «Московский Вестник», «Форум».

Лауреат литературных премий им. Евгения Зубова (2015 год) и им. Елены Слободянюк (2013 год), Московского областного литературного конкурса «Звёздное перо» им. Георгия Кольцова, Московского областного фестиваля-конкурса молодёжного поэтического мастерства «Звёздное слово» (2014 год), дипломант конкурса «Воскресенск литературный» (2008 год). Награждён Золотой Есенинской медалью, медалью «200 лет М.Ю. Лермонтову», медалями им. Е.Слободянюк, им. Е. Зубова, им. И. Бунина, им. А. Белого, юбилейной медалью «80 лет городу Воскресенску», медалью «За активную гражданскую позицию», Дипломом Московской областной организации Союза писателей России, Благодарностью Московской областной Думы.

ВАСИЛЁК НАД НЕРСКОЙ

*В. И. Лысенкову, автору
книги «Излучины бытия»*

Там, за перелеском,
У сухих коряг
Василёк над Нерской –
Маленький маяк.

И к нему стремятся,
Серебрясь вдали,
Незабвенных странствий
Годы-корабли.

Торопясь, по Нерской,
Мне несут привет
От истоков детства,
Устья зрелых лет.

И скользят беззвучно,
Бурям вопреки,
Вдоль крутых излучин
Бытия-реки.

Я стою у речки –
Взрослый человек.
Радость новой встречи
Каплет из-под век.

В Лету с тихим всплеском,
Где душа моя –
Василёк над Нерской,
Маленький маяк.

КАК МНОГО ТЕПЛОТЫ В ТВОЕЙ ПЕЧАЛИ

Оленьке

Случается, в тяжёлых размышленьях
Идти готов я хоть за сотни вёрст.
И мрачно неприкаян, словно тень я,
Но довести боюсь тебя до слёз.

В такие дни себе не доверяю,
В сомнениях гляжу на жизни путь.
Внутри себя все чувства затворяю,
Но ты всё видишь – и не прячешь грусть.

Как много теплоты в твоей печали,
Как взор твой нежен в хмурый час тоски...
Мы тягот и невзгод не замечали,
Как никогда, друг другу мы близки.

Твой взгляд ищу я всюду неустанно –
Он хочет поддержать и вдохновить.
И мне неловко и притом отрадно
Его в минуту трудную ловить.

Как много теплоты в твоей печали...
Быть может, скажешь, что я просто льстец,
Но мы на все тревоги отвечали
Взаимным притяжением сердец.

Твой образ силы дал в ненастный день мне,
Твой голос вести добрые принёс.
К тебе я убегая от сомнений
И возвращаюсь из-за сотен вёрст.

Как много теплоты в твоей печали...

* * *

Я в поиске... – Ни муз,
ни слов, ни снов, ни пищи.
Чего не видит глаз,
но что придёт, слепя...
Всем сердцем верю в то,
что тот, кто очень ищет,
Судьбу свою найдёт,
не потеряв себя!

ЛЕТНИЕ СУМЕРКИ

Летние сумерки в городе нашем:
Замер в объятьях прохлады проспект,
Из фонаря опрокинутой чаши,
Из неподвижного кокона лампочки
Нежно-искристыми крыльями бабочки
Выпорхнет в тихие улочки свет.

Вновь на прогулку зовут ароматы:
Бархатцы в клумбах, чубушник у пня.
Запах корицы и перечной мяты
Будет витать над уютной кондитерской.
Бликом заката скользнёт по-над вывеской
Полуулыбка прощальная дня.

С чашкою кофе под вечер в кофейне,
Будем гадать мы по гуще на дне,
Слушать мечтательно Баха и Черни –
Первый концерт пианистки молоденькой.
Влюбится примула на подоконнике
В бабочку света на тёмном окне.

СОРВАВШИЙСЯ С ЦЕПИ

Звук донёлся с окраин безрадостной ночи –
Там, где окна залило смолой темноты.
Металлический звук становился всё громче,
Взбаламутив обитель сплошной немоты.

Сторонясь излученья светил неусыпных,
Будто сам – плоть от плоти – опальная тень,
Убегал грязный пёс, из породы настырных,
Покидая отчаянно горестный плен.

Он бежал и молил, чтоб разбитые лапы
От коварных и злобных ищеек спасли.
Чтобы через все ямы, коряги, ухабы
От безумия и произвола несли.

Но глаза, что блестели надеждой скупой,
В темноте обречённой казались слепы,
Пёс, как прошлого бремя, тащил за собою,
Словно каторжник, звенья тяжёлой цепи.

Мрачный город, враждебный к нежданному гостю,
Беспощадно давил тишиной, словно склеп.
Но ввергала всех жителей в страх, беспокойство,
Исступлённым бряцанием ржавая цепь.

И украдкой, сквозь жалюзи и занавески,
Все смотрели – и кто там ночами не спит?
«Приютим его?» – голос слышался детский.
Был ответ: «Никогда! Он – сорвался с цепи!»

Что ж, таков приговор закосневших и слабых!
Только вдруг у того, чей ответ был жесток,
Будто горло сдавили незримые лапы,
Или шею невидимый сжал поводок.

НА ПЕРРОНЕ

Мы стояли молча на перроне,
Провожая взглядом электрички.
По карманам прятали ладони,
А в ушах – наушники-затычки.

И, смотря, как две полосы стали
Вдаль ведут громоздкие машины,
Мы с тобою никого не ждали
И на поезд вовсе не спешили.

И сияньем хрупким, быстротечным
Укоряли семафоров лики:
Мы привыкли жить легко, безопасно,
Забывали о родных и близких.

Но у жизни нет путей запасных.
И теперь стоим, как в наказание.
А за что? – Хотели мы (напрасно!)
Верить и любить по расписанию.

Может, где-то между шпал схороним
Все свои зловредные привычки...
Мы стояли молча на перроне,
Провожая взглядом электрички.

Виктор ЛЫСЕНКОВ

Лысенков Виктор Иванович родился в 1954 году в деревне Губино Воскресенского района Московской области. Имеет высшее техническое и гуманитарное образование. Более 35 лет работал в органах государственного и муниципального управления. Лауреат премии Мособлдумы в области социальной защиты населения.

Член Союза писателей и Союза журналистов России. Руководитель Воскресенского литобъединения «Радуга» им. И.И. Лажечникова, член Высшего творческого совета Московской областной организации Союза писателей России. Председатель редакционных советов литературного альманаха «Воскресенск – моя родина светлая...», русско-болгарской антологии «Созвучие», редактор ряда других книжных изданий и интернет-сайта voslit.ru.

Лауреат литературных и журналистских конкурсов и премий. Отмечен государственными, муниципальными и общественными наградами. Автор книг прозы и краеведения: «Адрес мой: ст. Воскресенск... Борис Пильняк в Кривякино», «Воскресенские пенаты», «Не просто возраст...», «Излучины бытия», «Внукам своим расскажем...», «Было время, были люди...», «Ахмет Симев – журналист, подпольщик, соратник Мусы Джалиля». Очерки, рассказы, переводы, краеведческие заметки публикуются во многих альманахах, сборниках, журналах и периодических изданиях, в т.ч. на болгарском и немецком языках. Живёт в городе Воскресенск.

КВАСКУ ИЛИ ВОДИЧКИ?

У каждой пословицы либо поговорки, как известно, своя особая история. Порой грустная, но всегда поучительная. В нашей семье бытует своя поговорка-прибаутка: «Вам кваску или водички?!».

Мама рассказывала, как будучи ребёнком, однажды ранним утром пошла со своей матерью и бабушкой в дальнее село к родственникам: в гости или по делам – неважно.

Про общественный транспорт тогда (20-е-30-е годы прошлого столетия) в уездной глубинке и слухом не слыхивали. Солнце поднималось, и день становился жарким. Шли долго полевой дорогой и к полудню приустиали. А главное – одолевала жажда. Прихваченную с собой в дорогу воду уже выпили.

Проходя через попутную деревеньку, постучались в ближайший дом. Вышла молодая женщина, спросила: «Что вам надо?». Попросили попить. «Вам кваску или водички?», – вроде бы участливо спросила хозяйка. «Кваску было бы лучше», – ответили, тронутые таким гостеприимством. Женщина кивнула и ушла в дом.

Прождали почти четверть часа. Хозяйка не показывалась. Вновь постучали: вдруг забыла – замоталась с какими-то домашними хлопотами или, может, в подпол за холодным квасом спустилась. Опять появилась на пороге та же женщина.

И, как ни в чём не бывало, спросила: «Вам что надо-то?». – «Да, нам бы попить». В ответ слышали знакомое: «Вам кваску или водички?». «Водички, водички...», – замахали поспешно руками. Хозяйка кивнула и удалилась. Прошло ещё минут с десяток. Припекало. Что происходило там внутри, неведомо. Ну, да и бог с ними! Ждать чего-то с малым ребёнком далее было уже невозможно. Постояли-постояли, да и пошли прочь «несолоно хлебавши». Жажду утолили на другом дворе.

Вот так и появилась в маминой семье поговорка, язвительно характеризующая верх безразличия с притворным радушием: «Вам кваску или водички?!».

ПАСХАЛЬНОЕ УТРО ДЕТСТВА МОЕГО

...Раннее утро, и меня пробуждает самый восхитительный запах – аромат горячих пирогов с капустой. И всё равно просыпаться не спешу. В школу идти не надо, ведь сегодня выходной день. И не просто выходной – сегодня Пасха! Мама вчера не ложилась спать допоздна: ставила тесто для пирогов, готовила начинку, стирала-гладила, прибиралась в доме.

Соблазительно-мучительный запах свежей выпечки нестерпимо щекочет ноздри, и я, наконец, открываю глаза.

Вновь в этот праздничный весенний день светит яркое солнце (настаиваю, что ясная погода на Пасху раньше была всегда!). Яркости дню придаёт белый цвет, царящий в комнате – белая скатерть на круглом столе в центре, белые кружевные салфетки на телевизоре КВН-49, радиоле и этажерке с книгами, такие же подзоры у кроватей, белые чехлы на видавших виды стульях и диване. Это неперенный мамин атрибут праздника.

А ещё у этой чистоты есть некая «осознанность»: может, это связано с особым запахом выскобленного ножом добела, подсыхающего дощатого пола, с упоительной свежестью внесённого с мороза белья.

...Вкусная, белоснежная картина детского пасхального пробуждения изредка является ко мне до сей поры, производя волшебный, успокаивающий, даже «терапевтический» эффект, зовя «нырнуть» туда хоть на краткий миг от бремени рутины и печалей.

Религиозности в нашей семье не было – в 1960-е советские годы это представлялось абсолютной нормой. Правда и то, что всегда стояла у нас на подоконнике мамина икона Спасителя в металлическом окладе, доставшаяся потом по наследству младшей сестре Тоне.

Но вот Пасху, или как мы её называли – «Паску», у нас праздновали ежегодно. Пекли пироги, и не только мои обожаемые с капустой, выпекали куличи, красили луковой шелухой яйца.

Конечно, всё это не святили – единственная действующая церковь в нашей округе была ну очень далеко – в Левычине.

К завтраку обязательно приходил сестрёнкин крёстный – дядя Володя Воробьёв, весёлый, хромя на протезе (ногу потерял на Великой Отечественной войне). Он приносил крестнице разноцветные яйца и конфеты, которыми она охотно делилась с братьями. У других наших домочадцев крёстных не было.

Дядя Володя ненадолго присаживался к столу, отмечал со взрослыми рюмкой-другой праздник и спешил домой, где его ждали свои восемь детишек – на одного больше чем у нас.

Ближе к полудню вместе с соседями все чинно отправлялись на Пукову гору – посетить на сельском погосте могилки умерших родственников и знакомых.

А дальше компания разделялась: взрослых ждало застолье с песнями и шутками-подколами, а ребятня принималась за игры.

Перво-наперво детки бились крашеными яйцами – у кого крепче, тот и получал трофей – яйцо проигравшего. Потом всё это сообщество съедалось. И начинались игры и забавы на лавочке или на подсыхающих к этому времени проталинах – от простых «колечка» и «садовника», до требующих ловкости и удалства «клепней-лапты», «ножичков», «прятки-хороничек», «знамени», «вышибал» и «штандера».

А ближе к ночи, после киносеанса в клубе, обязательные рассказы друг другу страшилок где-нибудь в тёмном закутке либо на полу в барачном коридоре.

Небогатое, несытное время, зато сколько было простых искренних чувств, душевной доброты, наивных радостей.

И сейчас в Пасхальное утро душа порой ещё ожидает, как в детстве, светлого праздника, яркого солнца, чистой белизны, дружеского общения и... маминых пирогов с капустой!

ТАК ПА́ДОЙ И ПРОЗВАЛИ

Некоторые обитатели небольшого посёлка, где прошло моё детство, как, наверное, и повсюду, имели помимо фамилий ещё и прозвища. Разные. Порой обидные, но чаще – производные от имени или фамилии.

Запомнилось странное на слух прозвище одной женщины-соседки – Па́да (с ударением на первый слог). Её имени, похоже, я и не знал совсем. Нам, ребятам, всё одно: Па́да – она и Па́да...

Как оказалось, у этого прозвища была своя курьёзная, но весьма драматичная история.

В середине прошлого века вагоны пассажирских поездов, проходящих по «чугунке» мимо нашей станции до Москвы, не имели автоматических дверей, потому их посадочные площадки оставались открытыми. Остановки на полустанках короткие, а сесть на поезд нужно было, поднявшись аж на высоту человеческого роста с земли (платформ ещё не строили), ухватившись за металлические поручни. И это требовало определённой сноровки.

В то злосчастное для соседки утро, когда все пассажиры кинулись осаждать прибывший поезд, она отчего-то замешкалась и подбежала к вагону аккуратно как состав тронулся. Ухватила за поручни, запрыгнула на подножку, а объёмистый тяжёлый мешок за спиной стал перевешивать назад, разгибая руки, не давая перехватиться и подняться по лесенке в вагон. Она безнадежно повисла, а поезд набирал ход. Стало страшно. Несчастная запаниковала и заголосила во всю мочь: «Уж я па́ду! Я па́ду!...».

И свалилась бы она со своей поклажей на всём ходу на шпалы, а то и на рельсы, угодив под колёса. Но вовремя подоспели мужики и втянули бедолагу в вагон. А потом уже со смехом пересказывали этот конфуз в самых забавных деталях: «Уж я па́ду!...».

Так Па́дой соседку и прозвали.

ЗА ПОГРУЗКУ ЗАМКОВ

Утверждают, что, когда с похмелья «горят трубы», плохо работает «соображалка». Бывает и по-другому.

Наш сосед – дядя Витя – трудился в 1960-е годы в профсоюзном доме отдыха водителем грузовика ГАЗ-51А, да вдобавок к нему – ещё и автобуса ЗИЛ-155.

В ту пору шофёр – человек уважаемый, считай особая каста в рабочей среде. В технике – дока! Деловой – к начальству близок! Цену себе знает – всем нужен! В рейсе – зачастую сам себе хозяин. И всегда имеет что выпить. Или почти всегда.

Если магарыч не случался, то такой хитрован находил способы подзаработать, хотя бы на четвертинку – «чекушку». А надо заметить, с устатку наш сосед был до водочки весьма охоч.

О новой выдумке дяди Вити ещё долго судачили и посмеивались в посёлке.

Пердимонюкль приключился такой. Отрядили дядю Витю в магазин сельпо купить пару обычных амбарных замков. Командировали одного – без экспедитора и грузчика.

Вернувшись с покупками, он ничтоже сумняшеся предъявил в бухгалтерию авансовый отчёт, включавший два пункта:

«1. Покупка замков – 2 шт., ценой 1 руб. 89 коп. – всего на сумму 3 руб. 78 коп.

2. Погрузка замков – 2 шт. – всего на сумму 1 руб. 00 коп.

Итого: 4 (четыре) рубля 78 копеек».

...Директор и бухгалтер «трудоемкость» погрузки килограмма железок не оценили и пункт 2 безжалостно вычеркнули.

А фраза: «И за погрузку замков!» – стала чуть ли не местной поговоркой как ехидный намёк на плату за пустячную работу.

Юлия МУСАТОВА

Родилась и жила три года в городе Коломне. Затем родителей как молодых специалистов направили в посёлок Белоозёрский. После окончания школы №23 училась в театральном институте им. Щепкина, Московском институте Управления. Закончила филологический факультет МГУ.

Работала переводчиком с немецкого языка, затем, с 1993 по 2001 год, корреспондентом и ведущей ТВ программы «Времечко».

Публиковалась в газетах: «Воскресенск литературный», «Вечерняя Москва», «МК», «Литературная газета», «НГ», «Noes Leben», «В литературном приложении «Белоозёрская лира» газеты «Округа», журнале «Belle» (интервью с Пако Рабанном), альманахах городов Воскресенска, Домодедова, Каширы, русско-болгарских альманахах «Созвучие» и «Светопись». Несколько стихотворений переведены на болгарский язык поэтом Иваном Антоновым в книге «Щедрость».

Лауреат и дипломант ряда литературных и музыкально-поэтических конкурсов в номинациях поэзии и прозы. Выступает в концертах и на фестивалях с чтением своих стихов.

Писать стихи начала в школьные годы, выступала с ними на концертах ДК «Сатурн» города Раменское. Рассказы появились во время учёбы в МГУ. Было напечатано несколько фельетонов в «Литературной газете».

Состоит в ЛИТО «Радуга» им.И.И.Лажечникова города Воскресенск. Руководитель ЛИТО «Вертикаль» города Белоозёрский.

Является членом Союза журналистов России.

БАЛЛАДА О ПЛЕЩЕЕ

Я шла вдоль озера коварного Плещея,
И слушала беседы меж собой веков:
Вот Пётр прикрикнул на матроса-ротозея,
А за стенами мытарь стонет от оков.

Без страха шла – из секунда ветровка,
Из хлопка майка – много ль взять с меня? –
Ни злата для разбойницы-плутовки,
Ни сундука в повозке, ни коня.

Плещей, вернувшись с Берендеева болота,
Сидел, отчаянный, на Камне-Синь.
Бровь приподнял с вопросом: «Кто ты?
Что потеряла здесь?» – меня спросил.

Я объяснила, что ишу – Поэта,
Что место Кухмарью зовётся средь людей,
И удивилась содержанию ответа –
Неужто предо мной заклятый тот злодей?

«Послушай даль, где зыбкие туманы,
Там струны сердце рвут, печалию полны.
Быть может, зря пошёл я в атаманы,
Стал походить на образ сатаны.

К поляне ты ступай на зов небесной птицы,
Бревенчатого свода и столов там нет.
Увидишь светлые, умытые в купели лица –
Так знай, он будет среди них – Поэт».

ПЛАЧЕТ МЫСЛЬ

Город не ответил,
В чем есть жизни смысл,
В суеЕ-суЕте
Тихо плачет мысль.

Нахлебалась в вихре
Мутного канала,
Насмотрелась в цифре
Телесериала.

И теперь по Сити
Бродит ошалело,
Кривду выносить ей
Ох как надоело.

И сжигать в вулкане
До испепеленья,
И держать в капкане
До белого каленья.

Солнца луч прорвётся,
Мысль угонит к морю.
А пока придётся
Выпить чашу горя.

СОН СКАЗОЧНИКА

Зима проснулась накануне января
От инея, приникшего к ресницам,
Дыханием окно посеребря,
Из дома выпорхнула птицей.

Снежинки, прилетевшие с небес,
Её увидя, закружили в вальсе,
И опустились сожаленья без,
И без печали – в лёгком реверансе.

На лебедино-белый сгиб спины.
О, чистоты и хладнокровья нега!
Но Андерсен сквозь дрему видел сны
Про королеву девственного снега

Я УХОЖУ

Кому ты даришь сбрызнутые розы? –
Все в мелких каплях искусственной росы...
А мне милее жёлтый цвет мимозы,
Я ухажу. Остаться – не проси.

Коль дама с возу – веселее и приятней.
Не надо даме куртуазно лгать,
И день зарплаты будет вечно праздный,
И мусор в комнатах не надо убирать.

ВИВАТ ДОЖДЯМ

Как оказалась непогода нужной,
 Став поводом вернуться за зонтом.
 И вовсе не от страха быть простуженной
 Вбежала я в пятиэтажный дом.

Где на столе без позолот приборы,
И в люстре недостаток серебра.
Где тихие гитары переборы
Влекут на территорию добра.

Вручили зонт старинного фасона,
С изогнутою спицей на краю.
И в ветре слыша марши Мендельсона,
Я шлёпаю по лужам и пою.

Виват дождям и ливням, и капели,
Они смывают слёзы. И о том,
Что горевать сегодня стоит мне ли,
Ведь завтра я вернусь туда! С зонтом...

ЗА ТАЙНОЙ ДВЕРЦЕЙ

Россыпи шаров на ели,
с отливом тайного сияния луны,
мерцают каплями разлитой акварели
на ветках в цвет морской волны.

Заманивают. И, прощай, рассудок,
я в мир иду капроновых бантов,
крахмаленных, из марли юбок,
и масок бархатных мастей всех и цветов.

К лицу мне локон голубой – Мальвины,
и платье феи – золотой парчи.
И под руку мы кружим с Буратино,
От счастья – мы нашли ключи

от дверцы тайной. За которой дети
снежинки клеят на большом окне.
И мама, при настольном свете,
бант оправляет на косичке мне.

Галина ГЛЕБОВА

Член Союза писателей России, Галина Павловна Глебова (Василькова) родилась в посёлке Хорлово Воскресенского района, Московской области.

Трудится в службе социальной защиты населения г. Воскресенска. Широко публикуется в местной печати, в антологиях писателей Болгарии и России («Созвучие», «Светопись»), в книгах Издательского дома «Серебро слов» – «Не

меркнет Золото Победы», «Бессмертная обитель», «Книги и судьбы». Многие её стихи переведены на болгарский язык. Лауреат Областной литературной премии им. Е. Слободянюк – 2019, областного поэтического конкурса «Звёздное перо» и многих других. Активный представитель Воскресенского ЛИТО «Радуга» им. И.И. Лажечникова.

Галина Глебова неоднократно публиковалась на литературной странице «Белоозёрская лира» газеты «Округа». Член ЛИТО «Вертикаль» города Белоозёрский.

Творчество ведущего поэта Белоозёрского ЛИТО не ограничено стихами на общепринятые темы: она пишет пародии, то есть такие стихотворные произведения, которые имеют цель создать у читателя эффект приятной «смешинки» за счёт повторения уникальных словосочетаний в стихах другого автора, но в изменённой форме. В данном сборнике представлены пародии Галины Глебовой на стихи Юлии Мусатовой.

*Пародия на стихотворение
Ю. Мусатовой «Баллада о Плещее»*

Я шла по берегу.
На Камне-Синь, сутулясь,
Сидит старик. На вид лет восемьсот.
Я радостно ему: «Привет, дедуля!»
А он и глазом даже не моргнёт.

Умылась я из озера Плещея,
Стою, смотрю на воду, что и дед.
Вдруг вижу – Пётр с матросом-ротозеем,
А с ними Пушкин, ё-моё, Поэт!

–Послушай, брат, ведь я тебя искала,
Ну что ж ты, Пушкин, точно не родной.
Я знала, что найду тебя, я знала!
–Так я не прятался, и Пётр, гляди, со мной.

И смотрит Пётр зело пытливо, борзо,
Как будто сверлит душу изнутри.
И ротозей-матрос глядит серьёзно,
И говорит: «Петро, прости её, прости».

За что не знаю, я не виновата
Ни перед ним, ни перед Русью – нет.
Быть может, здесь я стала диковата,
Но мне простительно, я – дама и поэт.

«Ты слушай даль, где зыбкие туманы, –
Вдруг дедушка, молчавший, говорит. –
Тебе бы, девка, надо в атаманы.
Вон сердце как в груди твоей горит»

Да я, прям к месту, в секонд-хенд одета.
В избу – войду, коня – защекочу.
Всё по плечу и Даме и Поэту...
Ну, если я, конечно, захочу.

ВСЁ, УХОДИ

*Пародия на стихотворение
Ю. Мусатовой «Я ухожу»*

И где ты был? С кем ел сегодня суши?
Какой банкет? На время посмотри!
Не надо вешать мне лапшу на уши.
Смотри в глаза мне, милый, не хитри.

И что за веник ты принёс с мороза?
Надеюсь розы? Взгляд не отводи!
Вот ты подлец, я не люблю мимозы –
Довольно слов, любимый, – уходи.

От куртуазной лжи я так устала.
Зарплаты нет, везде твои носки....
Ты мусор не выносишь! Время мало?!
Вот почему мы больше не близки!

Я жить хочу, как в глянцевах журналах.
Хочу машину, яхту.... Не беси!
Свой дом хочу! Как нищета достала!
Всё уходи! Остаться – не проси.

* * *

*Пародия на стихотворение
Ю. Мусатовой «Сон сказочника»*

Деревья в инее, вокруг – снега, снега.
Божественна уснувшая природа.
Полуодета, нет,
полунага,
В сиянье вечно юного восхода.

Как тишина порою дорога,
Безмолвие не сковывает душу.
И вдруг охотники.
Трубят, трубят, рога.
Несутся кони, псы – покой нарушен.

Лес встрепенулся, затрещал ропща,
Разбуженный незваными гостями,
И, ветками по спинам им хлеща,
Опутал всех еловыми сетями.

Рога умолкли, заскулили псы,
Оставшись без еды и без ночлега...
Ганс Кристиан дремал и видел сны
О Королеве девственного снега.

НОВОГОДНЕЕ

*Пародия на стихотворение
Ю. Мусатовой «За тайной дверцей»*

Кружится, кружится в танце Мальвина,
Платье из марли, капроновый бант.
Плачет влюблённый Пьеро. Буратино
Кружит Мальвину, что истинный франт.

Парень галантный, с ключом от каморки,
В модном камзоле, на шляпе перо.
Фрукты, вино заказал и три корки —
Плачет от горя влюблённый Пьеро.

Пёс Артемон примостился у ели,
Делает вид, что уснул. И храпит.
Как же интриги ему надоели —
Нервно хвостом по паласу стучит.

Плачет Пьеро, веселится Мальвина.
Отблеском тайны мерцает луна.
Ох, доиграется наш Буратино —
Слёзы Пьеро отольются сполна,

Мощным цунами готовы подняться,
Всё поглощая потоком страстей.
Так над влюблённым нельзя измываться,
Плачет Пьеро всё сильнее и сильнее.

С боем курантов земля содрогнулась:
Что это? Кто это? Где это я?
И от внезапного шума проснулась —
В новом году, в первый день января!

Хлопала глазками с ветки Мальвина,
С хитрой улыбкой качался Пьеро,
Грустный, помятый висел Буратино,
Пёс, не спеша, грыз на шляпе перо.

ЗОНТ

*Пародия на стихотворение
Ю. Мусатовой «Виват дождям»*

Потёртый зонт, оставленный в прихожей,
Стоял и ждал, когда его возьмут.
Но, как на грех, день выдался погожий,
Забрали мусор.
Зонт остался тут.

«Сейчас бы тучи грозовые в небе,
Чтоб содрогнулся трёхэтажным... дом.
И я такой, готовый бросить жребий
И мост спалить в порыве боевом.

Закрыть собой хозяина от ветра,
Переломать все спицы за него.
А не стоять в прихожей, там, где гетры
Из-за амбре имеют статус-кво».

Елена СЛОБОДЯНЮК

Слободянюк Елена Александровна родилась в городе Москве в 1967 году. А через год родители, инженеры – испытатели космической техники, привезли девочку в посёлок Белоозёрский. Окончила школу № 23, затем Московский областной педагогический институт им. Н. К. Крупской (факультет русского языка и литературы). Здесь же, после окончания института, преподавала современный русский лите-

ратурный язык, основы культуры речи и стилистику. Стихи Елена начала писать ещё в школьные годы. Удивляя публику своей неповторимостью слова, Елена Слободянюк часто выступала и в местной, и в областной, и в центральной печати. Выпустила книгу «Я вижу первый твой шаг» – фактически учебник примера самой высокой творческой планки.

Член Союза писателей России, награждена Золотой Есенинской медалью, лауреат Международной премии «Филантроп». Посмертно вышла её книга «Храните тихо», где представлены многие новые поэтические произведения, работы по творчеству Александра Блока и Константина Паустовского, опубликованы прекрасные слова добрым людям, воспоминания о самой Елене, а также официальные документы по увековечению её памяти. Она ходила в горы, в походы по рекам, лесам и озёрам, в совершенстве владела гитарой, сольным исполнением песен, участвовала в известном хоре «Виноградие». И когда говорят слова «душа компании», – то это и о ней.

ЦВЕТОВАЯ И СВЕТОВАЯ ДИНАМИКА В ПРОЗЕ К. Г. ПАУСТОВСКОГО

(на материале рассказа «Дождливый рассвет». Фрагмент)

К.Г. Паустовский – один из немногих мастеров слова, который своим творчеством снова и снова доказывает нам, что изобразительно-выразительные возможности русского языка поистине неисчерпаемы, что «любая языковая единица может быть средством изображения в художественном тексте».

Сила воздействия слова К.Г. Паустовского на читателя заключается, прежде всего, в бережном отношении к языковому материалу, чутком отборе выразительных средств при создании образов, порой в неожиданных сочетаниях нейтральных лексических единиц. В своём творчестве писатель неуклонно стремится вернуть слову его первоначальную свежесть и красоту. Пожалуй, одной из главных особенностей прозы К.Г. Паустовского является использование нарочито номинативных и безобразных слов. Н.М. Шанский говорил, что «переносные значения их за редким исключением являются общезыковыми. Нет ни одного индивидуально-авторского лексического и фразеологического неологизма. Все на обычном, привычном русском языке». Лингвостилистический анализ рассказа К.Г. Паустовского «Дождливый рассвет» предоставляет возможность увидеть рождение художественного образа в языке писателя, выяснить, какие изобразительные средства и приёмы использует автор для создания цветовой и световой динамики рассказа, понять, какова её роль в раскрытии эмоционально-психологической атмосферы повествования.

С одной стороны, сам сюжет рассказа настраивает читателя на лирический лад. Майор Кузьмин прибывает на пароходе в маленький волжский городок Наволоки, где он по просьбе своего товарища по госпиталю должен передать письмо его бывшей жене.

И вдруг необыкновенная духовная близость с чужой ему женщиной, поразившая его в этой одинокой бесприютной жизни,

пробудила в душе героя смутные надежды. Но нерешительность и чувство долга вновь возвращают его в одиночество и тоску. Коротко обрисует тематическую структуру рассказа. Главным действующим лицом происходящих событий становится дождь. Он живёт на каждой странице, в каждом абзаце рассказа. Теме этой дождливой ночи противопоставлена тема домашнего очага и уюта. Тепло дома по-своему преломляет лейтмотив дождя, окрашивая его цветом надежды. В результате этого ночной дождь к концу рассказа превращается в дождливый рассвет, вместе с этим изменяется весь набор различных ощущений, связанных с изображением природных явлений и чувствами героев.

Так как действие рассказа происходит ночью под долгий летний дождь, зрительные ощущения даны писателем в одном цветовом и световом ключе. Паустовский пишет свои картины приглушёнными, тёмными красками, соответствующими этому времени суток и погоде. Обстановка, окружающая Кузьмина в начале повествования, характеризуется почти полным отсутствием освещённости: «тьма», «темнота», «хоть глаз выколи», «темнота стала гуще», «ночь», «тёмный городок». Паустовский употребляет также синоним существительного «пустота» в экспрессивно-двуплановом сочетании «сырой мрак». Во всех своих оттенках представлена ночная тёмно-синяя палитра цветовой лексики в изображении окружающей героя природы. Этой гамме автор останется верен на протяжении всего рассказа (причём это необязательно будет выражаться в прямом названии цвета): «чернота над головой», «синяя лампочка», «дождливое небо».

Обратимся к художественно-изобразительным приёмам и выразительным средствам, которые использует К.Г. Паустовский в разработке внутренней темы рассказа.

Предвестники этой темы тепла, света и уюта появляются уже в первых строках. В «огромной, закрывшей всю Россию темноте», то тут, то там пробивается свет, как бы напоминая о том, что есть в этом мире счастливая, долгая и спокойная жизнь. Сначала эти

проявления очень редки и возникают лишь в отдельных случаях: «На пристани было пусто, – горел только один фонарь». «Только в одном доме, должно быть в аптеке, горела за стеклянной дверью синяя лампочка». Об одиночестве и случайности этого света говорят такие слова, как «только» и «один». По мере приближения к дому Ольги Андреевны Башиловой эти признаки учащаются: «лошадь высекает искры подковами», «в черноте над головой то тут, то там зажигалась звезда. Поблестев в лужах, она гасла». Можно видеть, что, в отличие от первой группы примеров, во второй появляются существительные в форме множественного числа.

Цветовая и световая палитры в изображении обстановки дома Ольги Андреевны выдержаны в одном цветовом тоне, преобладают спокойные, тёмные, уютные оттенки: «чёрная женская шляпа», «синий плюшевый альбом для фотографий», «синие чашки», «чёрное платье», «старуха с тёмным лицом». К.Г. Паустовский использует также приём непрямого называния цвета: «рояль», «мокрый куст сирени».

Но почти сразу же в световой гамме происходят ощутимые перемены. Появляется тот живой свет, к которому герой шёл долгие годы.

Поначалу кажется, что и здесь, в доме, царствует темнота. Об этом свидетельствуют некоторые детали: «сказал в темноту», «у нас по ночам огня нету», «тёмная галерея», «ночные комнаты».

Но через какие-то мгновения «задрожал слабый свет», и взгляд героя, как бы соскучившийся по освещённости, начинает выхватывать из нахлынувшего на него тепла и уюта каждую деталь.

Свет излучает не только лампа, но и те новые цвета тёплой светоносной палитры, которой пользуется здесь автор: «ромашки», «медуницы дикой рябинки», «кувшин с топлёным молоком», «мёд». Можно отметить, что Паустовский вновь широко использует приём косвенного указания на цвет: это отголоски, как бы отсветы того огня, который так манил уставшего от бродяжничества и ненастья героя. Эффект усиливается тем, что в доме повсемест-

но появляется и отражённый свет: он множится, заполняя собой пространство комнаты. Это горячий самовар, и золотые ободки на чашках, и никелевый браслет часиков, и ножницы. Даже в коротком разговоре героев «паутина блестит на солнце» и «рельсы бегут вдаль».

Затем свет начинает выходить за пределы дома и распространяться на окружающую его темноту, «в которой перешёптывался слабый дождь»: «За окном, за вазонами с бегонией, поблескивал от неяркого света, падавшего из окна, мокрый куст сирени».

Хочется обратить особое внимание на то, что писатель, как и в подаче первой темы, не использует контрастные приёмы изображения. Его пером владеет царство полутонов: ни одного резкого движения или цвета нет в его картине: «неяркий свет», «матовый абажур», «розовая раковина». Центром этой чужой и загадочной жизни является Ольга Андреевна, образ которой интересно и гибко обрисован писателем. Эта молодая женщина – хозяйка уютного тёплого дома, хранительница домашнего очага – неожиданно и желанно возникает на скитальческом пути Кузьмина.

Сам свет изначально заключается в ней, и образ её необычайно гармоничен сам по себе и по отношению к той обстановке, в которой находится. Человеку вообще свойственно стремление к свету и желание отыскать его. Как бы невзначай брошенные слова героини («садитесь к столу, здесь светлее») ещё раз подтверждают эту особенность человеческой души. Из нескольких штрихов возникает живой, глубокий образ женщины.

Писатель достигает этого благодаря сведению в одно словосочетание антонимических понятий: «Его поразили её молодость и блеск глаз – глубокий и немного туманный». Вспомним белый матовый абажур лампы и её неяркий свет: во взгляде Башиловой – тот же приглушённый печальный свет: блеск вдруг выступает как глубокий и туманный признак.

Паустовский делает ещё один штрих: «Кузьмин предложил ей папиросу, зажёл спичку. Когда она закурила, на лицо её упал свет

спички, и сосредоточенное это лицо с чистым лбом показалось Кузьмину знакомым». Этот часто повторяющийся авторский приём целенаправленного высвечивания определённых, самых важных моментов вызвал ассоциации с картинами Рембрандта: огонь, который живёт в его полотнах, сродни тому огню, согревающему сердца героев К.Г. Паустовского. С одной стороны, это пламя свечи, освещающее лица на портретах художника, а с другой стороны, – свет, идущий откуда-то изнутри и угадываемый в блеске глаз. К.Г. Паустовский, подобно Рембрандту, в совершенстве владеет искусством светотени, которое помогает ему раскрыть всю глубину и силу человеческой души. Применительно к этой особенности стиля К.Г. Паустовского можно привести наблюдение А. Букова, высказанное им в статье «Что такое стиль?» относительно картины Рембрандта «Даная»: «Светотень является у великого художника с р е д с т в о м выявления художественного содержания, способом проникновения во внутреннюю суть предмета отражения».

Образы героев – Кузьмина и Башиловой – пронизаны ощущением несбыточности и мимолётности жизни, мысль о которых проходит через всю ткань рассказа. Нерешительность героев, диктуемая чувством долга (с обеих сторон), да и самим характером, привычным образом жизни героев, приводит к тому, что они расстаются, возвращаясь каждый в свою стихию, общий дух которых – одиночество и неопределённость.

Сюжет рассказа движется по спирали: всё как бы возвращается на круги своя, но на новом уровне. Герой уходит в ночь и туман, но всё окружающее озарено светом дома и надежды. Изображение природы построено на приёме антитезы: появляются следующие антонимические пары относительно опорной лексики: ночь – рассвет, слабый дождь – крупный и сильный ливень, закрывшая всю Россию темнота – предрассветные дали, один тусклый фонарь – зелёные и красные огни парохода. Соответственно изменяются ощущения героя, его настроение. К.Г. Паустовский

рисует картину рассвета. Временному просветлению чувств и мыслей Кузьмина соответствует просветлению природы. Здесь писатель работает уже крупными, широкими мазками.

На какое-то время из души героя уходит чувство беспросветности и промозглости его существования, обстановка вокруг него проясняется. И в конце рассказа автор остаётся верен своей цветовой гамме: «синело водянистое небо», «лестница, уходившая вниз, в темноту». И ещё: «Это был сад, чёрный от высоких лип...»

Но свет не покинул героя. Более того, он начал множиться, распространяясь на окружающую природу. Об этом свидетельствуют такие авторские слова, как «рассвет», «предрассветные дали», чуть светало», «зелёные и красные огни парохода», «тусклые огни бакенов».

Работая с такими опорными противопоставлениями, как «свет – тьма», «чёрный, тёмный – белый, золотой», автор создаёт цветовую и световую динамику рассказа «Дождливый рассвет», рисует удивительные, яркие, глубокие и вместе с тем естественные образы. Тонкое изображение эмоциональных и психологических противоречий в душе человека через состояние окружающей природы и обстановки, пожалуй, является одним из самых сильных художественных приёмов К.Г. Паустовского.

* * *

Л. Дудину

Всё пропитано в мире водой
И размыто потоками ветра,
Воздух мокрый сегодня такой,
Что его можно кружками черпать.

Не успеют просохнуть дороги,
Как опять побегут, шелестя,
Спотыкаясь, ныряя под ноги,
По асфальту веснушки дождя.

1983 г.

ДОРОТЕЯ, ИЛИ ЛЕТАЮЩАЯ ДЕВОЧКА

*Посвящается моему другу
Люциану Долинскому,
питерскому скульптору и художнику*

Закована каменной скорлупой,
Похищена тьмою у солнца и ветра.
Пытаюсь понять, как пахнет прибой,
Пытаюсь коснуться лунного света.

Хочу достучаться до звучного дня,
Хочу докричаться до белого неба,
Но слишком уверенно держат меня
Уютные стены домашнего склепа...

Летающей девочке надо летать,
Лицо подставляя упругим потокам,
И я вырываюсь из тела опять,
Предчувствуя гибельный привкус полёта.

Светлана ПРОХОРОВА

Светлана Николаевна Прохорова родилась во Львове в семье военнослужащего. Семья часто переезжала в разные города Украины. Последнее место службы отца было в воинской части в деревне Старая Воскресенского района. В возрасте шести лет она вместе с родителями переехала в село Виноградово. Училась в Виноградовской средней школе, затем в Жуковском авиационном техникуме.

После окончания учёбы работала в Научно-исследовательском авиационном институте (НИАИ), на Воскресенском агрегатном заводе (ВАЗ) в качестве представителя Заказчика и в аэропорту «Быково». Сейчас Светлана живёт в г. Белоозёрский Воскресенского района Московской области.

Писать стихи начала давно, ещё в юности, но публиковаться стала в зрелом возрасте. Является членом литературного объединения «Радуга» имени И.И. Лажечникова. Первые стихи были напечатаны в газете «Наше слово» и в сборнике любовной лирики «Акварели любви» №2. В сборниках «Серебряный родник» №2,3 опубликованы её рассказы. Стихи Светланы Николаевны напечатаны также в коллективных сборниках Издательского Дома «Серебро Слов», в международном литературно-художественном альманахе «Серебряный дождь» №4. Выпустила две книги стихов и рассказов. Активный член Воскресенского ЛИТО «Радуга» им. И.И. Лажечникова. На её стихи написан ряд песен.

За литературные достижения награждена медалью лауреата Нобелевской премии И.А. Бунина.

О ЛЮБВИ

Уходит любовь незаметно и тихо,
Становится всё безразлично, безлико.
И в жизнь потихоньку вползает кручина,
Уходит любовь, не простясь... Без причины.

Забыть всё, что было, не хочется, право,
Была ведь любовь, но подумаем здраво,
Что если она без причины уходит,
То это на грустные мысли наводит:

Была ли любовь? Или только казалось?
Быть может, случайно в пути затерялась?
Любовь оказалась обманом и лихом?..
Уходит она незаметно и тихо.

Засыпано пеплом великое чувство,
И сердце стучит, но в груди очень пусто.
Уходит любовь прямым, не петляя,
Не зная законов, преграды не зная.

* * *

Опечалена туманами
И снегами запорошена,
Ах, любовь моя с дурманами,
Ты зачем пришла непрошено?

Оголилась, будто деревце,
Да речами убаюкалась,
Загрустила словно девица,
Вся в мечтах своих запуталась.

Безответная, несмелая,
Ты любовь моя терновая,
Как черёмуха неспелая,
На губах одна оскомина.

Снег на землю тихо стелется
И тропинки все засыпались,
Ну, на что любви надеется,
Если мы с тобой разминувшись?

УЛИТКА

В опустевшем саду приоткрыта калитка,
Словно, кто-то забыл за собою закрыть.
Одиноко ползёт по тропинке улитка,
Прячась в панцирь, как в дом,
чтобы жить – не тужить.

Здесь гуляет в саду ветер лёгкой походкой,
Не смущает его, что вокруг пустота,
Он доволен своей необычной находкой,
Где просторно ему, где ушла суета.

А осенней порой, когда пасмурно стало,
Когда дождик всё чаще и ветер сильнее,
Я иду потихоньку, немного устало,
Как улитка ползу я по тропке своей...

В опустевшем саду снова хлопнет калитка,
Заиграет опять лёгкий ветер с листвою...
Вдруг увижу, ползёт одиноко улитка,
И хотелось бы думать –
для встречи со мной.

ДЖЕК

(рассказ)

Джек лежал в огромной конуре, положив голову на лапы, вытянувшись во весь свой собачий рост. Конура большая, вполне можно бы уместиться двум собакам, но Джек жил здесь один. Снаружи она украшена резьбой, а внутри даже в самые лютые морозы было тепло. Там лежала подстилка из старого верблюжьего одеяла, в которую Джек любил уткнуться носом и подрёмывать, хотя в любую минуту он готов был бежать за своим хозяином, будь то ночь или день. Хозяин подшучивал над Джеком, говоря, что он живёт в однокомнатной квартире.

Джек рос свободолюбивым псом. Его холка ни разу в жизни не соприкасалась с ошейником, не знала, что такое цепь. Джеку разрешалось жить и в конуре, и в доме. Хозяин говорил, что Джек заслужил такое житьё – он сильный, хитрый и преданный пёс, к тому же, помесь волка и овчарки.

Хозяина звали Иваном, он служил егерем в лесничестве. Эта должность досталась Ивану от его отца. Иван ещё ребёнком увязывался за отцом в лес. Кажется, что за работа, ходи по лесу, наслаждайся природой, это тебе не лопатой землю копать, где сто потов сойдёт. Учился Иван у отца, на что внимание обращать надо: где находятся лисьи норы, где волчье логово, где лосей чаще можно встретить, где сушняка много, и не завёлся ли короед на деревьях. В детстве любил Иван с отцом по лесу ходить, слушать птичье пенье, шелест листьев на деревьях и шорох травы под ногами. Восхищался он природой, любил её, поэтому и зверюшек лесных всегда жалел – будь то хищники или безобидные твари.

Была у отца Ивана собака – немецкая овчарка по прозвищу Тайга. Умная, красивая. Она вместе с должностью досталась Ивану по наследству. Однажды пришлось Ивану в лес пойти. Знал прекрасно все эти места. Ориентировался в лесу, как в своём доме. Знал, где зайцев и лис можно чаще встретить, где кабаньи следы

найти, а где и с волком повстречаться. Каждая тропа, как дорога к дому – родная.

Шёл Иван по лесу и с Тайгой вслух разговаривал. Вдруг услышал волчий вой. Понял – стая. Каждый волк своим голосом воет. Ивану приходилось встречаться с одинокими волками и не один раз. А тут – стая. Как поведёт она себя? Хотя у Ивана за спиной ружьё висит – лучше бы, конечно, с ней не встречаться.

Тайга беспокоиться стала. То вперёд забежит, то назад ринется, то опять вперёд. А волчий вой всё ближе слышно... Тут-то Тайга и показала свою преданность хозяину. Бросилась она с лаем туда, где волки были. Потом её лай Иван в стороне услышал.

«Уводит она волков от меня, погибнет глупая», – подумал Иван. Снял с плеча ружьё и за собакой побежал – да разве догонишь. Долго он ходил по лесу, звал Тайгу, но лая больше не слышал. Прослезился Иван и медленно пошёл к дому. Тайга не появилась ни на следующий день, ни через неделю. Погибла видно...

Егерю без собаки никак нельзя, но Иван и думать не хотел, чтобы взять нового пса. Каждый день ходил по лесу, звал Тайгу, но каждый раз возвращался домой один. Сильно переживал Иван потерю друга. Засыпал и просыпался с мыслями о Тайге. Так проходили день за днём и чем больше таких дней, тем сильнее грустил Иван. Всё меньше оставалось надежды, что Тайга отыщется.

Минуло месяца три. Уже осень на дворе. Деревья листья сбрасывать стали. Дожди чаще обычного льют. Иногда в ночное время заморозки случались. Тоскливо на сердце Ивана. Настроение под стать нудной осени: не разобрать, то ли слёзы льют, то ли капли дождя по лицу. С мыслью о том, что нет больше Тайги, Иван свыкнуться никак не может. Идёт по лесу, изредка возьмёт да и позовёт свою любимицу, а вокруг только птицы весело щебечут и знать не знают, какая беда в жизни Ивана случилась.

Однажды проснулся Иван очень рано, на работу стал собираться. Выглянул в окно и чуть не упал от изумления: по двору Тайга

шла, исхудавшая, но бодрая, а рядом с ней – щенок маленький, шустрый такой, так и крутится вокруг матери, за ноги, за хвост её хватает – играть хочет. А Тайга идёт, внимания на него не обращает, но изредка возьмёт да и прикусит его за бочок. Щенок визжит и ещё больше к матери ластится.

Бросился Иван во двор, треплет, ласкает Тайгу, а она хвостом виляет, слёзы со щёк Ивана слизывает. Оба не могут встрече нарадоваться... А щенок лает на Ивана, за мать заступает. Так и стала Тайга со своим детёнышем и с Иваном вместе жить. Растёт щенок не по дням, а по часам. Надо имя ему давать. Много кличек разных давал Иван щенку, а тот на них никак не реагировал. И только на кличку «Джек» наострил уши и к хозяину со всех ног примчался. Так он Джеком и стал. Отличный пёс вырос: сильный, с волчьими хитрыми повадками. Стал Иван брать Тайгу с Джеком в лес – пусть малыш привыкает к работе.

Со временем Тайга стала стареть, а Джек – в силу входить. С полуслова хозяина понимает, никому Ивана в обиду не даёт. Не страшно с таким псом и с диким зверем повстречаться – любого в клочья порвёт. Вот так они и жили, своей дружбе радовались.

Все уважали Ивана – хорошего человека и его умного Джека. Конечно, лихие людишки побаивались встречаться и с тем, и с другим, стороной обходили. А честным людям бояться было нечего. Джек за версту чувствовал, кто и с какими мыслями навстречу идёт, и понапрасну останавливаться не будет. Гордый. Цену себе знал.

* * *

Наступила зима, морозная, красивая. Сосны и ели в убранстве снежном, словно, снегурочки в белых пушистых шубках стоят. Сугробы по колено. Иван на лыжах, ему легче, а Джек рядом – лапы проваливаются, тяжеловато, но лишь бы рядом с хозяином бежать. Схватит на бегу Джек снега в пасть и дальше за Иваном вдогонку. Много километров они прошли, пора и домой возвращаться. Вдруг Иван увидел ещё лыжню, куда-то в сторону повер-

нутую. Видно не один человек на лыжах прошёл, а несколько. Что лыжникам зимой в дремучем лесу делать? Неспроста они здесь оказались. Пошли Иван и Джек по лыжне, узнать надо, кому в лесу в это время дело нашлось. Вдруг Джек заскулил, чужаков почувствовал, потом залаял и вперёд Ивана побежал. Смотрит Иван и видит: на снегу кабаньи следы появились. Сразу догадался он – браконьеры кабана выследили.

Иван с Джеком по кабаньим следам, да по лыжне дальше в лес пошли. Где-то вдаль гулко прозвучал выстрел, послышался визг кабана. «Далековато до них» – подумал Иван и ускорил шаг. Минут двадцать пришлось преследовать браконьеров. На снегу появились кровавые пятна. Зверь ранен, не сильно видно, но ему в таком состоянии трудно будет уйти, да к тому – глубокому снегу. Ещё раз прозвучал выстрел. Услышал Иван крик браконьеров и непонятно, то ли они друг с другом спорят, то ли они ругаются, что зверя уложить не могут.

Всё ближе и ближе Иван с Джеком подходят к шумному месту. Джек умный пёс, голос не подаёт. Осталось метров двадцать до браконьеров. Впереди всё скрыто деревьями. Визг кабана уже не слышно. Они так увлеклись своим делом, что не заметили, как Иван подошёл. Джек в ожидании чуть в стороне за огромным деревом притаился. Шерсть дыбом встала, зубы оскалил, с хозяина глаз не сводит, ждёт команды. Иван в нескольких шагах остановился. Ружьё в правой руке держит, стволом вниз. «Ну, что, мужики? Кабана делите? Лицензия на отстрел имеется?» – спрашивает Иван.

Молчат. Глаза злые, точно звериные. Как волки готовы на Ивана броситься. С такими осторожно надо разговор вести. Не ровен час, у них нервы не выдержат, а пуля быстро летит, не успеешь глазом моргнуть, как она в теле окажется. Порой не знаешь, что опаснее – с волчьей стаей в лесу повстречаться или с браконьерами.

Иван подходит ближе. Говорит спокойно, в глаза смотрит. А сам

про себя отмечает, что не видел он этих мужиков, видно не здешние. Что у них на уме? Убьют и концы в воду. Ищи потом – не найдёшь, далеко в глубь леса ушли, где искать? А бандиты по сторонам смотрят, нет ли ещё кого. Тихо вокруг. Один говорит: – Шёл бы ты, папаша, своей дорогой, а то как бы не заблудиться тебе. Ведь искать будут – не найдут.

– А ты меня не пугай. Дорогу свою я знаю, а вот вам надо собраться и по моей дорожке идти, куда укажу.

– Ишь ты, какой смелый. А ну, вали отсюда, пока хуже не стало, – направил второй бандит на Ивана своё ружьё, прицелился, того и гляди на курок нажмёт.

А Иван одно лишь слово сказал:

– Взять! – Джек мгновенно выскочил из-за дерева и одним прыжком достал бандита: в руку мёртвой хваткой вцепился. Тот заорал благим матом и выронил ружьё. А Иван к другому подскочил. Тот от неожиданности даже не успел на Ивана ружьё поднять. Стоит, дрожит.

– Ну, чего ты, папаша, чего? Пошутили мы немного. – Заумолял. – Отпусти нас. Давай по-хорошему разойдёмся. Ты нас не видел, мы тебя...

Молчит Иван, руки бандиту назад верёвкой скручивает. Крепко скрутил, не развяжешь. Джек другого бандита зубами за руку держит. Тот шелохнуться боится. Чуть дёрнет рукой, Джек сильнее зубы стискивает, того гляди руку сломает. Подошёл Иван ко второму, отогнал Джека. И этому верёвкой руки назад связал. Так и доставили их в милицию.

Галина САМУСЕНКО

Самусенко Галина Валентиновна родилась 10 апреля 1958г. в городе Коломна. В 1980г. закончила энергетический факультет Московского института инженеров железнодорожного транспорта (МИИТ). В настоящее время работает культорганизатором в МУП «ЦДиК «Черкизово. Школа им. В.Д.Шервинского». Увлекается живописью, созданием кукол в технике скульптурного текстиля, изготовлением изделий из вторичного сырья. Является автором девяти сборников стихов и прозы, редактором-составителем десяти коллективных литературных сборников.

Стихи и рассказы публиковались в различных городских, областных и международных литературных изданиях. Стихи и рассказы переведены на болгарский язык.

Член Московского областного отделения Союза Писателей России.

Член творческой мастерской «У Грановитой» города Коломны, Воскресенского ЛИТО «Радуга» имени Ивана Ивановича Лажечникова, Луховицкого ЛИТО «Диамант».

Активный участник городских, районных, областных и международных творческих мероприятий, различных литературных конкурсов, встреч с читателями.

Победитель, лауреат и дипломант многочисленных российских и международных литературных конкурсов. Лауреат премии им. Елены Слободянюк 2016 года, дипломант премии им. Роберта Рождественского 2018года.

* * *

Охрой по белому за сине-тёмной
тучей, брюхатой дождиком серым,
солнце стежки вышивает.

А вспомни –
радуга мостиком на реку села.
Радужно радовались дождинки,
сыпались с веток бисером звонким.
Ты сбросил стоптанные ботинки
и – босиком.

Хохотала девчонка
рыже-счастливая.

Локти – в зелёнке,
пыль дождевая – сквозным покрывалом.
Охрой по белому – кожеце тонкой –
солнце веснушек узор вышивало.

* * *

Ох, уж эта луна, любопытная наглая стерва,
прямо – «Дура с Садовой» из той знаменитой квартиры.
Ярким светом плеснёт по глазам, по натянутым нервам,
грубо спящую дёрнет струну поэтической лиры.

Отзовётся струна комариным назойливым зудом.
И уже не заснуть ни за что бедолаге-поэту.
Будет рифму искать под словесных неточностей спудом
и строчить, и строчить, вдохновеньем горя, до рассвета.

Рванным ритмом порезавшись и спотыкаясь о фразы,
станет Бога молить, вдохновение чтоб не погасло.
Из отчаянья – в радость кидаться...

А эта зараза,
по небесной дороге спеша, разольёт снова масло...

Александр СКАБЁЛКИН

Скабёлкин Александр Дмитриевич родился в деревне Цибино. После школы служил в Карелии – в пограничных войсках. После Армии многие годы трудился на автопредприятии города Жуковский. Последние 15 лет проработал в отряде «Центроспас» МЧС России, также занимаясь ремонтом и обслуживанием автомашин. Он был увлечённым мотоциклистом, что отразилось в одноимённом

стихотворении, представленном в этой книге. Также здесь читатель увидит и армейские стихи-воспоминания.

С 2013 года Александр Скабёлкин принимал участие в концертах Белоозёрского клуба авторской песни. Выступал и как бард, но в большей степени как поэт.

С 2014 года посещал собрания литературного объединения «Радуга» им. И.И. Лажечникова. Печатался в газете «Воскресенск литературный», на страницах «Белоозёрской лиры» газеты «Округа», в Воскресенских литературных альманахах. В 2015 году выпустил сборник стихов «Аэросани». Неоднократно становился дипломантом и лауреатом музыкально-поэтических фестивалей (Домодедово, Пески, Переславль-Залесский). Несколько лет Александр болел. Несмотря на тяжёлый курс лечения, продолжал писать и выступать. В мае 2019 года нашёл в себе силы провести творческую встречу, в июне принять участие в концерте. Скабёлкин Александр Дмитриевич похоронен на новом Малышевском кладбище с.п. Кузнецовское Раменского района, рядом со своими родителями.

СЛОВО О ДРУГЕ

Саши Скабёлкина не стало 28 июля 2019-го, в 64 года. Он был мужественным человеком, высококлассным автоспециалистом и замечательным поэтом. Но Александр намного сложнее и многограннее таких характеристик. Разве пронизывали бы написанные им строки щемящей болью, если бы в них не отражалось смятение от дисгармонии вне, и особенно внутри себя? Его стихи тем и притягательны, что через них он поведал читателю про свой тернистый путь, по которому шёл, то заблуждаясь, то вновь находя луч света. И добавим – сам был готов подать руку споткнувшемуся рядом.

Я с Сашей (Саней, Санечкой) узнала, что между мужчиной и женщиной бывают трепетные отношения настоящей дружбы. Как у поэта училась (и продолжаю учиться) щепетильной тщательности, с которой он подбирал слова для своих стихов. Как у человека – принимать обстоятельства при всей их непредсказуемой парадоксальности, что давало ему силы жить, творить и мечтать в буквальном смысле на грани бытия.

Перечитывая ещё и ещё раз стихи Александра Скабёлкина, мы всё яснее ощущаем и понимаем его образ, особенно преображённый выступлениями со сцены, где поэт давал волю своим затаённым в повседневности и глубоким страстям, дерзости, и в то же время – неуверенности и ранимости.

Александр Скабёлкин на этих страницах искренен, без игры и кокетства. Поэтому чтение его стихов – это доверительный разговор. С каждым читателем – отдельно.

Тексты по возможности расположены в хронологическом порядке их написания, чтобы виднее было становление мастера.

Юлия Мусатова,
руководитель Белоозёрского ЛИТО «Вертикаль»

МОТОЦИКЛИСТЫ

У неё золотистые косы,
У неё голубые глаза.
И куда-то уносят колёса,
И свистят, и скрипят тормоза.

О, манящая сталь мотоцикла.
О. летящая скорость – жизнь.
«Не боишься?» – спросил, –
«Я привыкла».
«Ну так что ж,
Раз привыкла – держись!»

Руки крепки, затянуты гайки,
Больше скорость, внатяжку тросы.
Чёрный череп на розовой майке
И ижевский мотор, как часы.

Уплывает шальная дорога,
Ты прижалась к горячей спине.
Сто,
Сто десять,
Сто двадцать...
Ей-богу,
Ему хочется больше вдвойне.

Верил я – ничего не случится,
Только в это не верила смерть.
Даже птица, хорошая птица
Постоянно не может лететь.

Дождь пошёл –
надо быть осторожней!
Осторожней,
да поздно уже.
С этой скоростью невозможно
Было вырулить на вираже.

Обагрилась с обочин извёстка.
А недавно мне дождь рассказал,
Что от самого перекрёстка
Оба верили в тормоза.

1976-77г.

ДОПРИЗЫВНАЯ

Вот и я стал солдатского звания
И уеду в чужие края.
До свидания, друзья, до свидания,
До свидания, деревня моя!

Вдоль по улице – липа, черёмуха.
Мимо утра и в первый вагон.
Сквозь ресниц твоих тихие шорохи
Я приду на вокзальный перрон.

Здесь дорога слезами промокла,
И боюсь я признаться родне,
Что автобуса пыльные стёкла
Вдруг решёткой покажутся мне.

Вспомним песни хорошие старые –
И повестки как будто нет.
Разобью шебутную гитару я
О свои восемнадцать лет.

Как похоже всё это на осень.
Вот сорвётся с железного рта:
«Призывникам команды 238
Получить квитанции и паспорта!»

ГРАНИЦА

Синим дымом тумана
Застелился рассвет.
Всё казалось обманом,
Вдруг взволнованно: «След!»

Взгляд туманом оборван,
На ресницах вода.
Но инструктор промолвил,
Заключая: «Туда»

Сбил ремень автоматом
На погоне росу.
Не уйдёт от солдата
Нарушитель в лесу.

Рвала повод овчарка –
Не уйдёт, не уйдёт.
Было сыро и жарко,
След тянулся вперёд.

Вот уже где-то рядом,
За ветвистым кустом,
Крикнул старший наряда
Повелительно: «Стой!»

Но в ответ из тумана
Прогремел пистолет.
Обагрился в кармане
Комсомольский билет.

Беспощадным раскатом
Прозвучала тайга.
И свинец автомата
Перерезал врага.

Тело, мёртвое тело,
Между серых камней.
Кто он, что хотел он
На чужой стороне?

Волчий взгляд закатился.
Что хотел, то не смог.
А солдат опустился
Перед другом на мох.

Пот спадал на ресницы,
Разливался рассвет.
Нарушитель границы –
Не допущено! Нет!

ПРИБЫТИЕ ПОЕЗДА

Тянулась жизнь ямщицкой вялой плетью
Обыденна, как грязь из-под колёс,
Но как-то в девятнадцатом столетье
С экрана в зал поехал паровоз.

Он шёл неотвратимо, как цунами,
Огромный монстр в клубящемся дыму,
И молотил стальными шатунами,
Не оставляя шансов никому.

С тех пор определилась без возврата
На годы, на столетия вперёд,
«Благая» цель всего кинопроката –
Любой ценою напугать народ.

Тут паровоза оказалось мало,
И вот уже с экрана в зал пошли
Худые пароходы без штурвала,
А также неземные корабли.

Придумано достаточно сюжетов –
О нынешних я лучше промолчу –
Там места нет для бардов и поэтов,
А после фильма хочется к врачу.

Давно не входят в личную программу
«Шедевры» воспалённого ума,
Лишь иногда, не досмотрев рекламу,
С улыбкой вспомню старый «синема».

Наивный век, когда людей страшила
Не ядерная месть далёких звёзд,
А в общем безобидная машина
С таким земным названьем – паровоз.

2016 (год кино)

* * *

Когда ещё озёра были белыми,
Я помню и такие времена,
Покой царил над водными пределами,
И блики солнца доставали дна.

Мы, обходя дорожку поселковую,
По берегу бродили, не спеша.
И пили эту «правду родниковую»
По кругу из походного ковша.

В природе, от малька до головастика,
Всё живо по законам чистоты,
И первые бутылочки из пластика
Ещё не вызывали тошноты.

Но мы, «неисправимые» романтики,
Пройти и не заметить – не могли,
И убирали пузырьки и фантики
С поверхности обиженной Земли.

Но вот настали времена «скромные»,
Без призрачных обедов и границ.
И содрогнулись заводи укромные
От грохота заезжих колесниц.

К воде пришли ребята со «сноровками»,
С запасами вина и шашлыков,
И ровным слоем тара с упаковками
Легла у живописных берегов...

Сидим у костерка раскрепощённые,
Всё тот же воздух, солнце и трава,
Но потемнели воды освещённые,
А вместе с ними мысли и слова.

Лето 2017 (год экологии)

МУСЯ

Ай да кошка! На спине – начёс,
Белый воротник и хвост павлиний...
Совершенство благородных поз,
Благородство совершенных линий.

С нею я художник и поэт,
И в кошачьих именах искусен,
И уже ищу французский след
В необыкновенном слове «Мусья».

Я её прощаю наперёд,
Каждому капризу потакая,
А она легко верёвки вьёт,
Голубого глаза не смыкая...

Вечная любимица гостей,
Королева родового места,
Кошка – от хвоста и до костей,
Женщина – от взгляда и до жеста.

Нынче непогода на дворе.
Наигравшись в тапочки и шляпы,
Муся отдыхает на ковре,
Мордочкой своей уткнувшись в лапы.

Пусть она немного погрустит.
Может, заодно со мною вместе,
И она кого-нибудь простит,
Кто её погладил против шерсти.

СЕРГЕЮ ЕСЕНИНУ

Я не буду больше молодым,
Я не буду больше. Я не буду,
Но внимать есенинскому чуду
Дай мне бог и старым и седым.

Боже. Сохрани их на века –
Эти удивительные строки,
Чтоб мои «надменные» потомки
Не забыли вкуса родника.

Чтобы им у стартовых огней
Вспоминать тепло родного дома.
В уходящем шуме космодрома
Слышать ржанье «розовых коней».

Господи, спаси и сохрани
Место на одной шестой планеты,
Где твои великие поэты
Головы склоняли до земли.

Дом, откуда он с одним рублём
До Москвы (порою и кабацкой)
Уходил на лодочке рыбацкой
А вернулся белым кораблём.

Отчего он вновь под парусами?
Чем крепка связующая нить?
Даже не пытайтесь объяснить...
Просто помолитесь вместе с нами.

Ноябрь, 2018

ПУТЕШЕСТВИЕ В СЕБЯ

Что-то в доме нет гостей днесь,
А пойду-ка я к себе сам,
И пока что я живу здесь –
Посмотрю, как я живу там.

Отчего не распрямлюсь в рост
И в избе не приберу тлен.
И у прошлого цепной пёс, –
Не пытаюсь разорвать плен.

Отряхнуть бы с головы прах,
Да повынести с души хлам,
И не прятать по углам страх,
А собраться и пойти в храм.

Да боюсь поднять глаза вверх –
Вдруг увижу, как скорбит Бог:
Исповедую один грех,
А другой уже теснит вдох.

В небесах ночной звезды блеск,
И светлей его нигде нет.
И у храмовых дверей крест –
Это первый шаг на тот Свет.

А пока не наступил «край»,
Пусть меня и на земле ждёт
Самодельный лубяной «рай»
С огоньками на гвоздях свод.

ДВА ГОРОДА

Два города внушают страх
Тем, кто покоя ищет.
Один заложен на костях,
Другой – на пепелищах.

Один – оплот большевиков,
Другой – Купец от бога.
Но кровью русских мужиков
С лихвой политы оба.

Покуда плетъ над головой –
Живёт, кипит работа.
И шёл народ мастеровой
На шахты и в болота.

Лязг топора и «лай» свинца
 Забудутся нескоро.
 Шаги «кремлёвского отца»
 И поступь «командора»!

Прошёл тот век, настал другой
 Даст бог, пройдёт и этот.
 Даст бог, оставит за собой
 Он парочку поэтов.

Творенья вдохновенных рук –
 Блаженного с крестами.
 И славный город Петербург
 С чугунными мостами.

Февраль, 2019

В ЦИБИНО, НА ПИМЕНОВКЕ 2

Ни к кому претензий не имею,
 Не ропщу, мол, кончились дрова.
 Просто так сижу себе, «зимею»
 В Цибино на Пименовке 2.

Январю – чистый беспредел.
 На глазах родни, пока что тёплой,
 И не замечаю добрых дел
 Через замороженные стекла.

Часто не здороваюсь с людьми
 И ведом какой-то тёмной силой,
 Иногда срываюсь: «Чёрт возьми!»
 Там, где надо: «Господи, помилуй».

Старый пленник тёплой батареи,
 Я скажу вам мнение своё:
 Что болезнь не делает добрее.
 Если нет спасенья от неё...

Но однажды кто-то постучится.
 Колокольчик дёрнется едва,
 И жестокий мир преобразится
 В Цибино на Пименовке 2.

Ты придёшь и – брось тоску былую!
 Открывай, да не смотри в глазок.
 Ты придёшь, и снова я целую
 Жизни потемневший образок.

Пусть сгорят недуги и наветы
 В пламени рождественской свечи.
 Стоит жить, покуда рядом где-то
 Женщины, поэты и врачи.

МИР СУЕТЛИВ

Мир суетлив, и в нём царит безверье.
 Обман и боль. И нету им конца.
 Но есть одно прекрасное мгновенье,
 Когда соединяются сердца.

Когда в один поток сольются реки,
 Впадая в океан волшебных чар.
 Бог есть любовь, донине и навеки.
 И счастлив тот, кто принял этот дар.

Людмила ЧЕБЫШЕВА

Чебышева Людмила Леонидовна, 1955 года рождения, родилась и живёт в городе Воскресенске. Образование высшее, экономическое.

Со школьных лет увлекалась литературой, но своему приходу в большую поэзию обязана широко известному воскресенскому художнику Шмитько Владимиру Борисовичу, который привёл её в ЛИТО «Радуга» им. И.И. Лажечникова и позна-

комил с его участниками. Член союза писателей России.

Автор поэтических сборников «Любви нечаянной глоток», «Свет души», «Сквозь разлуку и грусть», «Навстречу счастью» и двух детских книг. Публикуется в антологии «Золотая строка Московии», в литературно-художественных альманахах «Цветы большого города», «Воскресенск – моя Родина светлая...», «Созвучие», «Серебряный дождь».

За многолетний творческий труд, сохранение, приумножение литературных классических традиций и достойный вклад в развитие русской поэзии награждена Золотой Есенинской медалью, медалями им.А.П. Чехова, «А.С. Грибоедов», «300 лет М. В. Ломоносову», им. Е.А. Слободянюк. Лауреат и дипломант многих литературных конкурсов международных, всероссийских, областных и районных уровней.

Награждена почётными грамотами Московской областной думы, главы Воскресенского муниципального района. Обладатель медали «80 лет городу Воскресенску». Почётный поэт Подмосковья.

* * *

Июль. Жара. В разгаре лето.
Созрела вишня. Боже мой!
Вот так с рассвета до рассвета
Я любовалась бы тобой.

Остановись, прошу, мгновенье.
Налюбоваться вдоволь дай.
А за околицей деревни
Благоухает иван-чай.

Давно уснул закат за речкой,
Взошла луна на небосклон,
И рвёт влюблённое сердечко
Трёхрядка – русская гармонь.

Какой сегодня тихий вечер!
Травы не всколыхнув ничуть,
Прильнул к земле уставший ветер,
Чтоб на часок-другой вздремнуть.

* * *

Отстрадало сердце, отлюбило.
Всё, что было в прошлом, позабыла.
Будто в летний полдень на опушке
Не считала годы нам кукушка.

Будто при луне не целовались
И на ясной зорьке не купались,
Будто по купели по медовой
К роще мы не бегали кленовой.

Отлюбило сердце, отстрадало.
Только на душе вдруг пусто стало.
Будто наша речка на закате
Не журчала нам на перекате.

Будто соловьи в саду не пели,
Вечерами травы не шумели.
Будто мы с тобой и не смеялись,
Средь колосьев спелых не терялись.

Отстрадало сердце, отлюбило,
Что такое радость, позабыла,
Будто что-то в жизни потеряла,
Лучше б и любила, и страдала.

* * *

О, как же в юность хочется вернуться,
В тот уголок небесной красоты.
Пусть даже снова больно обмануться,
Но чтобы рядом был, любимый, ты.

Вновь в шёлке трав с тобою затеряться,
Слова любви взволнованно шептать,
Бежать, упасть и снова целоваться,
И ничего уже не понимать.

Хочу любить безумно, безоглядно,
До первых петухов с тобой гулять,
Пить аромат цветов восторженно и жадно
И каждый миг от счастья погибать!

* * *

Эти тёплые летние ночи,
До утра соловьиные трели.
На опушке кукушка пророчит,
Травы нежатся в росной купели...

Помню всё. Ничего не забыла.
Вновь и вновь я в мечты погружаюсь.
Как же сильно тебя я любила!..
Только в этом тебе не признаюсь.

СЧАСТЬЕ

Счастье – это любить, быть желанной, любимой,
Это видеть улыбки друзей и родных.
Счастье – сделать кого-то однажды счастливым,
Все печали и беды делить на двоих.

Счастье – если скучают и ждут тебя дома,
Это радостный смех, детский лепет с утра,
Это мамы тепло, это доброе слово,
Это в каплях росы молодая трава.

Счастье – это когда ощущаешь волнение,
Лёгкий трепет в душе при рождении дня,
Это слышать в лесу птиц весёлое пенье,
Тихий шёпот берёз и журчанье ручья.

Счастье – видеть цветение вишни весною,
Ранним утром туманы пригоршнями пить,
По аллеям бродить, вдаль бежать за мечтою.
Счастье – это однажды родиться и жить!

Зинаида ПОНАСЕНКОВА

Понасенкова Зинаида Михайловна родилась в подмосковном городе Воскресенске в 1948 году. В родном городе и проживает до настоящего времени. После окончания школы училась в Воскресенском химико-механическом техникуме. Её трудовая деятельность практически полностью прошла в районном узле связи: 33 года проработала электромехаником на автоматической телефонной станции «Гигант».

Стихосложением начала заниматься с 2010 года. Имеет диплом первой степени литературного конкурса «И просыпается поэзия во мне» (2016 год). Дипломант открытого областного литературного конкурса «Звёздное перо» имени Георгия Кольцова (2017 год). Награждена дипломом второй степени конкурса «Воскресенск в стихах и прозе», посвящённого 80-летию города (2018 год).

Автор двух поэтических сборников. Публиковалась в литературном приложении «Белоозёрская лира» газеты «Округа».

Зинаида Михайловна на всех семинарах старается читать свои стихи, радуя слушателей своими новыми произведениями и правильно понимая критические замечания. Её активная работа со словом, её творческие возможности дают право понимать, что рядом с нами – совсем готовый поэт.

Член Воскресенского районного литературного объединения «Радуга» им. И.И.Лажечникова и Белоозёрского литературного объединения «Вертикаль».

И НАС ПРОБИРАЛ ОЗНОБ

Памяти
Александра Скабёлкина

О, как он стихи читал!
Казалось, робко, но смело.
Голос по залу летал,
И муза летала, пела.

И нас пробирал озноб,
Сердца раскрывали строки
И в них оседали, чтоб
Запомнились их истоки.

Волю в кулак зажимал,
Быстро писал – так писалось.
Мы-то не знали, он знал:
Времени мало осталось.

Не уносите, года,
Строки знакомые эти.
Мы сохраним навсегда
Память о нашем поэте.

ТАЙНЫЙ СВЕТ

Бьют часы, отбивая час.
Ты ушел от меня сейчас.
В сердце снова оставил боль,
Она жжет, как на ране соль.

Что мне делать, ну что, скажи...
Как унять горький плач души,
Если можешь молчать, молчи.
Если хочешь кричать, кричи.

Скоро время притушит боль,
Перестанет жечь рану соль,
В сердце только оставит след –
Чувства вечного тайный свет.

* * *

А вы умеете прощать
Того, кто сильно вас обидел,
Кто смог недоброе сказать
И зла в словах своих не видел?

Кто в сердце, походя, зажёт
Огонь невидимый гордыни, –
Зловещий этот огонёк
Не даст покоя вам отныне.

А вы сумеете простить,
Пусть не сейчас и не мгновенно,
Из сердца горечь отпустить,
Смирив душу постепенно?

* * *

Разноцветным листопадом
Осень рано застелила путь к тебе.
Тучей темной, хмурым взглядом
В одночасье всё запуталось в судьбе.

Я гадаю, что с тобою?
Вечерами свет всегда горит в окне.
Я не скрою, ох не скрою,
Что молю, ну выйди, мой дружок, ко мне.

Ты приди скорей на помощь
И тропиночку от листьев размети.
Верю, помнишь, знаю, помнишь,
Как словечко к сердцу доброе найти.

Мой любимый, нежным взглядом
Посмотри и крепко, крепко обними.
Мне лишь надо, только надо,
Чтоб сказал слова ты о любви.

ВОТ ОПЯТЬ ИДЁТ ДОЖДЬ

Вот опять идёт дождь, осыпаются розы.
Лепестки их цветные повсюду лежат.
С грустью смотрят на мир вдалеке две берёзы –
Их промокшие косы безвольно висят.

За окном где-то скрипка играет красиво,
То тоскует, то плачет о прошлой любви,
То цыганскою пляской зайдётся игриво,
Разгоняя в душе все печали мои.

* * *

Я открыла глаза в сентябре:
За окошком промозглый октябрь.
Я звоню, мой любимый, тебе,
Ну, скажи, где же нежный сентябрь.

Замерзает любовь без тебя.
Ты мне только, желанный, поверь
И согрей поскорей без огня –
Оставляю незапертой дверь.

Я пошлю за тобой дельтаплан
На невидимых крыльях любви.
Для других будет просто обман,
Для тебя – это чувства мои.

ОЖИДАНИЕ

Листок по тропиночке катится,
И молния машет клинком.
Девчоночка в простеньком платице
Промокла под сильным дождем.

А небо всё хмурится, хмурится,
Уныло и мокро кругом.
И пусто на узенькой улице,
И плачут цветы под окном.

Влюблённая, вся в ожидании,
Гадает: придёт - не придёт?..
Конечно, забыл о свидании...
Девчоночка все-таки ждет.

ЦВЕТЁТ ЧУБУШНИК

Цветёт чубушник пышно, белым цветом,
Нас ароматом сладостным пленит.
Знать, входит в силу в Подмосковье лето,
От сарафанов улица пестрит.

Туман над речкой постепенно тает
И улетаёт прямо к небесам.
Там облако его, любя, встречает...
Зачем к нему летел? – не знает сам.

Темнеют облака и набухают.
Заморосили ласковым дождём.
И вот уж щедро землю поливают, –
Цвети, чубушник и купайся в нём.

* * *

«...стучите, и отворят вам...» (Лк. 11, 9)

У неба на краю быть верной обещаю,
У неба на краю я искренне молюсь.
Прости меня за всё. И Ты простишь, я знаю.
Всё ж грешной отойти я в мир иной боюсь.

О, как хотела б стать я на Тебя похожей.
Мне это не дано, мне лучше промолчать.
Но и не быть, поверь, случайною прохожей,
А каждый день с молитвой
в дверь Твою стучать.

* * *

Ветер буйный, ветер сильный,
Что ты стонешь день и ночь.
Говорят, что ты всесильный –
Я прошу тебя помочь.

Разгони своею силой,
Разгони тоску-печаль,
Донеси моей любимой
Письмецо в чужую даль.

Пусть с гитарой семиструнной
Вместе вспомнят обо мне,
Как гоняли ночью лунной
На гнедом лихом коне.

Как никто нас не заметил,
Только степь ласкала нас.
Месяц был рогат и светел
В тот качающийся час.

* * *

По проселочной влажной дороге
Я иду средь пшеничного чуда.
Нет в душе места серой тревоге,
Да и взяться ей здесь неоткуда.

Ветерок пробежался по полю,
Зашуршал колосками пшеницы,
А она, наигравшись с ним вволю,
Расправляет, кокетка, ресницы.

По-особому пахнут здесь травы.
Упоителен бархатный воздух.
Человеку любому по нраву
В палисадниках видеть подсолнух.

А когда незатейливый вечер
Моет звезды в хрустальной водице,
Назначают влюбленные встречи,
И теснятся на небе зарницы.

Татьяна ШИМАРЁВА

Шимарёва Татьяна Михайловна родилась в Москве в конце 50-х годов.

В школе, где она училась, преподаватель литературы старалась привить ученикам интерес к родному языку и истории. Всем классом ходили по местам боёв Народно-го ополчения (получили звание «Турист СССР»). На основе найденных в лесах материалов был создан музей, который работает по сей день. Затем училась в техникуме. Там выступала с чтением стихов русских и советских поэтов, успешно участвовала в конкурсах чтецов. По окончании несколько лет трудилась по специальности. В 90-е годы решила поменять профессию и закончила училище парикмахеров. Открыла салон красоты и проработала в нём 15 лет.

С 2009 года живёт в деревне Надеждино, недалеко от города Белоозёрский. Здесь к Татьяне пришли стихи. Здесь же встретилась с единомышленниками, которые не только выслушали её первые поэтические строки, но окружили вниманием и дали советы для литературного роста.

Татьяна Шимарёва принимала участие в конкурсе «И просыпается поэзия во мне». Является членом ЛИТО «Вертикаль» города Белоозёрский.

Это первая публикация автора, пусть она станет удачным стартом для дальнейшего творчества.

ЛЕСНОЙ УРОК

(рассказ)

Как-то в начале апреля приехала я в гости к своей приятельнице. Захожу в деревенский дом. Смотрю, за столом сидят наши общие знакомые и что-то едят, да ещё с таким удовольствием. А посередине стола стоит целая сковорода с чем-то, похожим на макароны. Мне показалось это очень странным. Ведь Валентина запасливая и очень гостеприимная хозяйка. У неё всегда полный подпол разных солений и маринадов, салатов и компотов, чего только нет. И она очень любит угощать. А тут одни макароны. Все едят с аппетитом и молчат.

– А что вы едите? – спрашиваю.

– Ты садись и попробуй.

Мне стало очень любопытно, и, не раздумывая, я присоединилась к ним. Это было что-то очень вкусное, Но что – не пойму. Опять спрашиваю:

– Валь, всё же, что это? Вкус ни как у макарон.

Все смеются, а я, правда, не понимаю.

– Это грибы, сморчки.

– А где вы их взяли?

– Да их полно нынче лесу растёт!

Я не усидела. Думаю, до вечера далеко, пойду-ка я, пособираю, коль такое дело, никогда не видела, как они растут. Мне выдали самую большую корзину и наказали, чтобы без грибов не возвращалась. И я отправилась, ещё и потому, что лес находился, можно сказать, за домом. Он был смешанный. Вроде и пусто в нём, но во всём чувствовалось движение. Почки на деревьях набухли, вот-вот лопнут. Стволы у берёз будто напряжены, и кое-где уже из надломленных веток редкими каплями падает на землю сок. Ольха выпустила свои мохнатые серёжки с жёлтой пылью. Пряный запах прошлогодней листвы перебивает свежесть оттаявшей земли. Стоишь и вдыхаешь, радуясь, этот неповторимый

аромат весны. Его ни с чем не спутать. И вдруг чувствуешь, что сама становишься моложе, наполняешься силой, а в груди смятение, – скорее всего волнение, – разливается приятным теплом по всему телу. Это чувство любви и блаженства. В нём и детство, и родители, и бабушка, и дед, – все, кого любила и люблю, кто есть, и кого уже нет. А рядом с чувством любви – яркое ощущение прекрасных мгновений будущего.

Шагаю дальше. Но где же грибы? Сказали, что их полно, но где они? Ищу глазами, но не вижу. Иду вглубь леса. Под ногами трещат сухие сучья. Хожу уже около часа, но грибов не нахожу. Ветки цепляют за одежду, за корзину. С каждым шагом вспоминаю взгляды с хитринкой: «корзину возьми побольше, без грибов не возвращайся». Неужели подшутили? Ну, правда, ни одного гриба. Чувствую, стала уставать. Лирическое настроение исчезло.

Начинаю раздражаться на злую шутку. Чудится запах грибницы, но грибов просто нет. Ветки ещё цепляются за волосы, стегают по лицу. Только успеваю изворачиваться. Больно и обидно. Злюсь и на советчиков, и на себя. Ну и лес, думаю, придётся возвращаться с пустой корзиной. В глазах слёзы. В чём же дело, где грибы? Чувствую себя обманутой. Спускаюсь в овраг. На пути преградой лежит огромное дерево, не обойти, вокруг плотный кустарник. Ветки стаскивают с головы платок. Обессиленная и душой, и телом, ложусь на дерево, перекатом хочу перелезть через него и снизу вижу, Боже мой! Вот они, родненькие, да ещё сколько! На белых, как свечки, ножках, сверху надеты ребристые – коричневые – высокие – конусообразные колпачки, как у сказочных гномов. У некоторых они съехали набекрень. Выстроились, будто в очередь, будто все хотят поскорей попасть в корзину. Я так и застыла, лёжа на дереве. Спрашиваю: «Заждались меня?».

Собрала до полна. По дороге к дому ещё набрала. Сложила аккуратно в платок. Они оказались очень хрупкими, внутри полыми. Вот почему на сковороде напомнили мне макароны. Иду счастливая и думаю: «Как мало нужно человеку для радости. Бери, что

даёт природа, научись только понимать и принимать её правильно». Лес-то ведь сам подсказывал, что пригнуться надо было, – не бродила бы столько попусту. На душе опять стало легко и радостно.

Вышла я на опушку, оглянулась: лес стоит в лёгкой весенней дымке. Поклонилась ему: «Спасибо тебе за грибы да за уроки твои».

БАБЬЕ ЛЕТО

(рассказ)

Сон прервался лёгким дуновением ветерка из открытого окна, за которым ещё не рассвело, а движение ароматного тёплого сентября вдруг перенесло в тот далёкий, казалось почти забытый, но наполненный ощущением весны и юности май. Полуденный дурман черёмухи перемешался с запахом Московских улиц. В старом громыхающем трамвае жарко от сплочённой близости незнакомых, но таких родных пассажиров. Большинство едут по своим домам после Первомайской демонстрации. Всюду прослеживается весеннее настроение и какая-то особенная торжественность. Начало перестройки на новую, пока непонятную жизнь. Впереди лето... На мне платье, которое сшила мама, лёгкое с глубоким декольте. Через ситец я чувствую подпирающие меня со всех сторон тела, пахнущие чистотой вперемешку с духами «Красная Москва» и «Может быть». А мне уютно стоять в новых босоножках совсем не держась руками, на одиннадцатисантиметровых шпильках, покачиваясь вместе с трамваем под номером одиннадцать.

Кто-то дышит мне в декольте, касаясь локоном волос. Щекотно, даже забавно. От них пахнет молоком. Еду, ощущая горячее дыхание, и думаю «Как буду выходить на следующей остановке? Все так плотно, не протиснуться».

А на остановке меня просто вынесли. И вдруг ломается каблук.

Я сама теперь босоножка. Праздничные дни, где починить?.. Чья-то рука, сильная и тёплая, поддерживает меня. И голос: «Девушка, не беспокойтесь, мой дом рядом, хотите я сделаю ваш каблук? Верите?» Передо мной глаза, а в них – небо голубое-голубое и бездонное. – Я Алексей, – держит мою руку. А в моей голове почему-то: «он с меня ростом, зачем шпильки?» Иду рядом с ним по асфальту, своим плечом ощущая его крепкое плечо. А может, лечу... по небу.... Какой этаж, не важно. Руки добрые, нежные, ловкие – тут же починили каблук. А на полу распахнутый парашют. Шелковый, как его кожа. А я будто лечу ввысь. Глаза – небо. Чувствую. Верю... Но почему испуг в его глазах? Или для него это – прыжок? И опять чувствую запах молока. Молод ещё. Между нами жизнь. Понимаю, это его первый «прыжок» – со мной. – Лёшенька, мне пора. – Тебя кто-то ждёт? – Да. – Кто? – Дочка. – Дочка?.. Я тебя провожу, можно?

Между нами была разница одиннадцать лет. Тогда мне казалось – это очень много. Он прыгал с парашютом, открыл свою секцию. Я жила своей взрослой жизнью. Ушла из НИИ, понимая, что скоро их позакрывают. Да и захотелось овладеть парикмахерским искусством. Позже я открыла свой салон с названием «Любимая». А он всё время звал прыгнуть вместе с ним. Я же то растягивала удовольствие от ожидания прыжка, то увлекалась другими, более важными делами.

Дочка выросла. Шло время, происходили разные события. И всё же я прыгнула. Спустя много лет. Но без него. Это был первый мой прыжок. В этот день появилась на свет моя внучка Лизонька. Этот прыжок я посвятила ей.

Обласканная нежным сентябрьским солнцем, я нежусь в постели, вслушиваясь, как зарождается новый день. А воспоминания не отпускают меня, или я их. Надо вставать.

– Бабушка, ты ходила на таких шпильках!?

В комнату вошла Лизонька. Она смотрелась очень трогательно оттого, что ее стройные ножки были немного неуклюжи от непри-

вычной обуви. А в глазах неподдельный интерес. Это поколение выросло в кроссовках. А мне было как-то не по себе оттого, что она отыскала их именно сейчас.

Ей восемнадцать лет, как и ему тогда. От неё тоже пахнет молоком. ..

Мы вышли с ней на улицу. Так много хочется ей рассказать. День будет тёплый. Впереди бабье лето. И небо всё такое же голубое и бездонное, как Лёшкины глаза.

АВГУСТ

Август, ты меня послушай,
Я тебе открою душу.
Знаешь, что люблю я очень
Наслаждаться синью ночи!

Рада ярким звездопадам
И зарницам, как жар-птицам.
Пусть уходит в мудрость лето,
Август, ты какого цвета?

Вижу я тебя бордовым,
И немножечко бедовым.
Ярким, сочным, полновесным,
Цвета красного с небесным!

Август, ты моя отрада,
Радость тихая, покой...
Зреют гроздья винограда,
Удивляя красотой.

Марина ЯКУБОВСКАЯ

Якубовская Марина Александровна родилась 12 февраля 1992 года в городе Воскресенск Московской области.

В 2014 году окончила экономический факультет Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (г. Москва).

Начала писать стихи в 14 лет. В 2007 году впервые приняла участие во внутришкольном конкурсе юных поэтов в

Лицее №6 (г. Воскресенск), где победила и была направлена на Московский областной конкурс молодёжного поэтического творчества (г. Железнодорожный, 2008 г.). По результатам конкурса стала обладателем I Лауреатского места в номинации «Юность, любовь и мечта». Это и стало серьёзным стартом для дальнейшего творческого пути.

В 2011 году – лауреат Литературной премии им. Елены Слободянюк в номинации «Юные дарования».

В 2013 году – дипломант II степени Московской областной премии им. Роберта Рождественского.

В 2014 году – дипломант II степени в Московском областном открытом конкурсе молодёжного поэтического мастерства «Звёздное слово».

В 2017 году – вышел первый авторский сборник стихотворений «Смелая» (г. Коломна, Серебро слов).

Ныне – член ЛИТО «Радуга» им. И.И.Лажечникова, член Союз писателей России.

В 2019 году – лауреат Литературной премии им. Елены Слободянюк в номинации «Мастера словесности».

ЧЕТЫРЁХЛИСТНЫЙ

Ветер всё чаще южный, всё реже – с севера.
Гордо кладешь в ладонь оберег из клевера:
Надо же, четырёхлистный! Смотри, счастливая!..
И расцветаешь яблоней, грушей, сливою.

Держи клевер и думай, что счастье – вот оно.
Тропы, пути, дороги твои размотаны,
Лентами тонкими, прочными поразбросаны,
По ним смело беги, сверкая косами.

Там, под землёй, корнями сплелись могучими
Сёстры твои, чьи кроны в обнимку с тучами.
Мысли твои на ветвях загнездились птицами.
Скоро мечты – птенцами. Да вот случится ли?

«Будет ли дом с огнём из добра и радости?
Будут ли сын и дочь громко клянчить сладости?
Будет ли взгляд без умысла и плечи сильные? –
Шепнула весне. – И слова негасимые?»

Было всегда и будет: птенцы проклюнутся,
В окна ворвётся пух тополиный с улицы,
Сотни дорожек-мыслей сойдутся по случаю.
Всё, что пошло от сердца – всё будет к лучшему.

ЯБЛОНЬКИ

Бежит через всю квартиру, расправив крылья.
Подпрыгнув, меня обнимает по-детски сильно.
Сползаю по стенке от счастья, что завтра – дома.
И если не яблоко с зернышком,
то – расскажите – кто мы?

Погода из плюса в минус ей бьет в суставы.
Она между чаем и кофе всё чаще – травы.
Сестра на неё похожа, я вроде тоже.
И если она не яблоня, то, расскажите, кто же?

В иконах и каждом рассвете – её защита.
Тихое слово её навеки во мне зашито.
И мне она – яблоньке юной и непокорной –
Неведомой силой, ничем не рушимым корнем.

Они – моя мудрость, и заповеди, и законы.
Я с ними расту и однажды раскину крону.

ПРИНЦЕССА ЦИРКА

Каждое утро, беря себя на слабо,
Что ты ещё сумеешь, принцесса цирка?
С тихим упорством рассеивая любовь,
Ласковым словом ты в душах латаешь дырки.

Иди, моя девочка. Знаешь, Господь с тобой,
Вместо отца – Он совет и всегда опора.
Каждый твой шаг и каждый твой мирный бой
Будет во благо, и, кажется, очень скоро.

Вот ручка и лист, вот тебе «не по Сеньке» опыт,
Думай сама, что из этого выйдет утром.
Если прислушаться к сердцу, услышишь шёпот –
Будет он смелым и, может, не слишком мудрым.

Просто записывай. Правду свою и мифы,
Сказки старух, песни моря и шепот леса.
В цирке стихов укрощай непростые рифмы.
В цирке людей просто чувствуй себя принцессой.

БЛАГОДАРЯ

Солнечный луч по сну моему, как плеть.
Хлещет в лицо, собой обжигает веки.
Если проснулся – значит, пора гореть.
Если не так – лучше уснуть навеки.

В пульсе есть ты, и ты – это хорошо,
Чисто и сладко. Березовый сок под кожей.
Если ты любишь – значит, люби душой.
Если не так – тело спасти не сможет.

Там, где болото, всё поросло травой,
Строю дорогу и шёпоту свыше внемлю.
Если идти – то чуточку над землёй.
Если не так – лучше зарыться в землю.

Новое утро – датой календаря.
Сколько ещё? Тысячи? Счесть по пальцам?

Если проснулся – значит, благодаря.
Если не так – лучше не просыпаться.

Владимир ЯЗЕВ

Язев Владимир Юрьевич родился 28 апреля 1967 года и проживает в городе Белоозёрский. В школьные годы начал писать стихи, и, конечно, как чаще всего случается в юности, – о любви.

По профессии инженер, закончил МАТИ. Увлекается фантастикой, интересуется космосом.

Стихи Владимира Язева публиковались в Белоозёрской газете «Наши Вести». Тогдашний редактор газеты, член Союза писателей России Леонид Дудин, так отмечал стихи начинающего поэта: «Лирический герой автора нам настолько близок, что бывает не в силах пройти мимо его искренних переживаний за все наши человеческие чувства и боли, а также вместе с ним, читая, грустим о своей Родине и с добрым пониманием вспоминаем свою молодость. Автор публикации, безусловно, способен организовать мысли, довести их до творческого начала».

Обстоятельства на долгое время не дали возможности Владимиру Язеву заниматься стихосложением.

Однако в марте 2019 года он стал победителем литературного конкурса Воскресенского района «И просыпается поэзия во мне...», организованного Центральной библиотекой города и ЛИТО «Радуга» им. И.И. Лажечникова.

РУСЬ

Из глубины седых веков
Взошла Руси былинной слава—
Была кладбищем для врагов,
Друзьям ворота отворяла.

Не зря сказал великий князь,
Разбив тевтонцев – не речами:
С мечом пришедшие на нас –
Погибнут сами под мечами.

На протяжении трёх веков
Татаров тьма тебя душила,
Уничтожая мужиков,
А женщин в рабство уводила.

Ты, Русь, раздроблена была
На множество удельных княжеств,
Поэтому и не смогла
Сдержать невыносимую тяжесть.

Тогда князей всех воедино
Собрал под стягами Донской
На Куликовскую равнину –
И дал врагам смертельный бой.

...Прошли века.
Что изменилось?
Русь вновь разбита на куски...
Заветы предков позабылись?
Иль выродились мужики?

НЕ ВЕРЬ

Не верь лжецу, пусть даже он клянётся,
Держась за Библию с распятием в руке,
Ведь всё равно он вскоре извернётся,
Мыча на сатанинском языке.

Не верь врагу, молящем о пощаде,
Стоящем на коленях пред тобой.
Он в спину при любом раскладе
Отпустит нож не дрогнувшей рукой.

Не верь любовнице, с которой изменяешь,
Хотя клялась она тебе в любви по гроб.
Настанет время, всё ты потеряешь
И попадёшь в тяжёлый переплёт.

Не верь политикам: у них свои законы,
Хотя с трибун они красиво говорят.
Идя во власть – всё обещают,
Придут – и запросто казнят.

Не верь друзьям, в которых неуверен:
В глаза он – друг, по сути – лицемер.
И радость выплеснет без меры,
Когда ты будешь не у дел.

Не верь и мне, я тоже не безгрешен,
И ошибаюсь, к сожалению, часто я...
Не будь доверчив, безмятежен,
А веру, всё же, не теряй в себя.

ПРОГУЛКА

Ветка хрустнула, сломалась,
Ветер дунул и затих.
Лишь шуршание осталось
От листвы плакучих ив.

ДОРОГА К ДОМУ

Лил дождь, и тучи шли свинцово,
Зло ветер выл, как сатаны труба.
И в эту ночь дорогою знакомой,
Я возвращался от тебя.

Что суждено – то и свершилось,
Сегодня между мною и тобой.
И словно святость, в сердце затаилась
Любовь, мне данная судьбой.

Я помнил глаз твоих сиянье,
Незабываемую сладость губ,
Которые шептали на прощанье:
«Я встречи жду, мой милый друг».

Душа моя от счастья пела,
И ветер злой не мог его изгнать,
Когда оно в груди светло горело,—
Словами всё не передать.

Домой пришёл глубокой ночью.
Передо мной родимое крыльцо...
Всегда дорога кажется короче,
Когда в глазах – твоё лицо.

ЧИТАЯ НЕКРАСОВА

Жаркий летний денёк,
 Вдаль дорога уходит.
 А коляска скрипит,
 Ямщик песню заводит.

Душно в знойной степи,
 Ветер губы мне сушит.
 Как дыхание печи,
 Жажда сильная мучит.

Вдруг крутой поворот,
 А за ним деревушка.
 Долгожданный трактир,
 Значит, будет пирушка.

И напьюсь я опять,—
 Что ещё остаётся...
 Чтоб дорогу проспять,
 Пей да пей, коли пьётся.

* * *

Я шагаю по тропинке.
 Извивается она,
 Будто змейка возле речки
 В горизонт устремлена.

Наслаждаюсь я природой,
 Упиваюсь тишиной.
 Как люблю я прогуляться
 Летним утром за рекой.

ОБЪЯСНЕНИЕ В ЛЮБВИ

Людмила, ангел мой, принцесса!
 Тебя увидел — занемог
 И понял сразу — моё место
 Век коротать у твоих ног.

Людмила — свет в моём окошке,
 Прорубленном в глухой стене.
 Ты укажи на ту дорожку,
 Которая посильна мне.

Людмила — солнце на восходе,
 Моя заря, моя звезда...
 Всё изменяется в природе,
 Ты—неизменна никогда!

Людмила, глядя в твои очи,
 Я вспоминаю океан,
 Обворожительные ночи
 И ослепительный обман.

Людмила, голос твой журчащий,
 Бегущий, словно ручеёк...
 Ты приходи ко мне почаще
 На мой неяркий огонёк.

Людмила, милая Людмила,
 Скажи мне только тихо: «Да!»,
 Чтобы судьба соединила
 Меня с тобою навсегда.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>С. Антипов. «Зачем мы здесь...»</i>	3
Михаил БУЛЕКОВ	6
Леонид ДУДИН	12
Галина ГОЛОВА	20
Татьяна ДЕГЛИНА	26
Яна ДРОБИНА	30
Андрей ЖДАНОВ	34
Марина ЗОЛОТОВА	54
Марина КАБАНОВА	60
Александр КАЛИННИКОВ	64
Галина КРЕСТЬЯНОВА	74
Зоя КОРНИЕНКО	81
Ольга НОВИКОВА	82
Андрей ЛЫСЕНКОВ	90
Виктор ЛЫСЕНКОВ	96
Юлия МУСАТОВА	102
Галина ГЛЕБОВА	108
Елена СЛОБОДЯНЮК	114
Светлана ПРОХОРОВА	122
Галина САМУСЕНКО	130
Александр СКАБЁЛКИН	132
Людмила ЧЕБЫШЕВА	146
Зинаида ПОНАСЕНКОВА	150
Татьяна ШИМАРЁВА	158
Марина ЯКУБОВСКАЯ	164
Владимир ЯЗЕВ	168

Белоберёзовый Мир

Литературно-художественный альманах

Составитель: Ю.В. Мусатова

Редактор: Л.А. Дудин

Дизайн и компьютерная вёрстка: И.Л. Антипова

Фотография на обложке: «г. Белоозёрский, Озеро Островное. Фрагмент».

А.Д.Слободянюк

Фотография на титульном листе: «г. Белоозёрский, Храм Всех Святых
в земле Российской просиявших». А.Д.Слободянюк

ООО «Издательство Серебро Слов»

Телефон: 8 (916) 964-84-64

E-mail: dogovor.serebro@gmail.com

Сайт: www.tvoyakniga.ru

Интернет-магазин:

www.tvoyakniga.ru/content/magazin/magazin/

Подписано в печать 08.06.20

Формат 148x210. Бумага офсетная

Печать офсетная. Тираж 300 экз. Заказ №

Отпечатано в АО «Издательские Технологии»

109316, г. Москва, Волгоградский проспект, д.42, корпус 5

Тел.: 8 (499) 322 38 30

ISBN